

Дорогой мести

Автор:

[Макс Брэнд](#)

Дорогой мести

Макс Брэнд

Четырнадцатилетний Джон Таннер, герой романа «Дорогой мести», не умел стрелять, скакать на лошади и разбить лагерь в прерии до тех пор, пока судьба не забросила его на Дикий Запад.

Макс Брэнд

Дорогой мести

Глава 1

Мальчишеская мечта

Джон достиг прекрасного возраста – ему стукнуло четырнадцать. В это время мальчишки обычно обладают силой и стремлениями взрослых при полном отсутствии ответственности. Но Джон Таннер вот уже несколько лет вел себя как вполне надежный человек. Если быть точным, то с восьми. Он колот щепки для растопки, мыл и вытирал посуду, помогал стирать белье по понедельникам, скреб полы и следил за чистотой окон. Его тетушка жила тем, что содержала пансион, и, если бы не помощь маленького Джона, ей пришлось бы нанять опытного слугу.

Она обычно подчеркивала, что таким образом он зарабатывает себе на хлеб, на учение и крышу над головой. Сознание этого наполняло мальчишку гордостью, хотя от тяжелого физического труда у его рта залегла горькая складка, а взгляд стал пристальнее, чем у других детей его возраста. Только после полудня по воскресеньям да в немногие часы каникул Джон выкраивал время, чтобы выйти во двор позади дома и поиграть в индейцев.

Эта игра была его страстью, поскольку в те дни с Запада проникали захватывающие рассказы тех, кому довелось столкнуться с равнинными индейцами. Одежды из бизоньих и бобровых шкур рекой лились из далекого дикого зеленого моря прерий. А однажды Джон своими глазами увидел четырех индейцев в их полной боевой раскраске, промаршировавших в рекламном шоу по улицам Нью-Йорка.

«Неприлично так выставлять себя напоказ», – прокомментировала тот случай тетя Мэгги. Тем не менее это дало воображению мальчика крылья, способные унести в страну заветных мечтаний, и не только по ночам, когда он лежал с открытыми глазами, всматриваясь в темноту, но и среди бела дня, во время небольших передышек от работы. Если он на минуту отвлекался от мытья посуды или на мгновение, опершись о черенок лопаты, замирал, копая землю на заднем дворе, чтобы разбить огород, ему тут же рисовались картины безбрежных прерий, бегущие табуны огромных бизонов и нагоняющие их, скачущие во весь опор краснокожие всадники.

Джон думал об этих далеких местах не то чтобы с надеждой, а как ребенок может мечтать о волшебной стране из сказок «Тысячи и одной ночи», хотя буквально впитал их в свою плоть и кровь.

Задний двор был большим. Он простирался на весь квартал, занимая все свободное место до следующей улицы. Когда-нибудь его застроят, но в ту пору двор зарос кустарником, молодыми деревцами и казался Джону Таннеру достаточно диким, что ему и нужно было для игр. Высокий дощатый забор создавал относительное уединение и защиту от посторонних глаз, если не считать окон соседнего дома, но большую часть времени в течение дня они были закрыты ставнями.

Одежда мальчишки, очень простая, состояла из старых брюк, которые он собственноручно ушил, чтобы они облегали ноги, как обтягивающие штаны из оленьей кожи, толстых носков с пришитой к ним кожаной подошвой, наподобие

мокасин, и головного убора из больших петушиных перьев, выкрашенных чернилами в желтый, красный и ярко-алый цвета. Оружием служили самодельный лук с несколькими стрелами, сделанными с большим терпением, вместо томагавка – старинный топор, а палка с плодом пекана заменяла шишковатую военную дубинку. Кроме того, у Джона был выброшенный мясником нож с наполовину сломанным лезвием. Оставшуюся часть лезвия он сделал с помощью точильного камня острым как бритва. Поскольку оно было из отличной шэффилдской стали, то стало самым настоящим оружием, и, когда Джон Таннер думал о нем, сердце его радостно ускоряло биение.

Большую часть свободного времени мальчик проводил с ножом, тренируясь в бросках, и так в этом преуспел, что с расстояния двадцати футов почти без промаха попадал в тонкий ствол молодого деревца.

Конечно же Джон был доволен своей ловкостью и меткостью. Даже осмеливался, достигнув такого мастерства, считать себя настоящим обитателем равнин или гор.

У него было много времени на тренировку, но он все равно бесконечно практиковался – либо на заднем дворе, либо просто мысленно: множество раз целился из деревянного ружья, тысячи раз вонзал острый нож в сердце врага и постоянно представлял себе, что снимает скальпы, скачет на диких мустангах, побеждает в сотнях войн.

Но когда мальчуган на мгновение оставлял игру и отдыхал, до него доносились звуки реальной жизни природы – хлопанье крыльев и посвистывание птиц, а весной – настоящее птичье пение. Тогда Джонни подкрадывался к пернатому певцу с такой осторожностью, будто силился поймать не только птицу, но и ее радостную песенку.

Так он прожил с тетушкой Мэгги шесть лет. А потом приехал его отец, и все переменялось.

Мальчик не много слышал об отце, потому что, когда упоминал о нем, на лице тетушки Мэгги появлялось скорбное выражение. О родителях он знал только то, что мама умерла вскоре после его рождения, а отец последние десять лет, путешествуя, вел полную приключений жизнь торговца. Время от времени он присылал им деньги, но всегда не слишком много, поэтому появление его самого

удивило и Джонни, и тетю Мэгги.

Внешне отец был здорово похож на сына. Гилберт Таннер оказался среднего роста, крепким и подвижным, с добрыми серо-зелеными глазами и каштановыми волосами, но на Востоке, откуда он приехал, они выгорели и стали желто-коричневыми. Лицо тоже было покрыто загаром и отмечено страданиями.

Однако двое родственников были удивлены не столько его внешностью, сколько – богатством.

Гилберт Таннер был одет скромно, но как настоящий состоятельный джентльмен. В руках он держал трость, которой владел так, что тростник казался почти настоящим скипетром, а шейный платок, доходящий почти до подбородка, придавал его манерам некое высокомерие.

С ним вместе прибыло шесть огромных сундуков! Вместе с дорожными сумками и мешками, которые тоже входили в багаж, они заполнили весь чердак пансиона от одной стены до другой.

Отец приехал вечером. И они просидели, разговаривая с ним, до полуночи.

– Мэгги, – сказал он тетушке Джона, – высели всех своих жильцов, да как можно поскорее. Верни им плату за этот месяц и выстави вон. И тогда мы немного подновим наш старый дом. Корпус, похоже, еще крепкий, а вот каюты нужно перестроить, да и верхнюю палубу, по-моему, тоже не мешает заменить.

Мэгги сидела, сложив красные натруженные руки на коленях.

– Гилберт, – произнесла она, – что это значит? Ты разбогател, Гилберт?

Брат задумчиво посмотрел на нее, и вид у него был такой, словно он что-то подсчитывает.

– Да, – отозвался наконец, – я богат. Думаю, теперь можно так сказать. Ведь деньги еще не отменили в этом мире. Ты теперь больше не будешь работать, моя дорогая. Ты свое отработала, и за себя, и за моего мальчика.

– Он не был мне в тягость. Он был мне в радость. Он мне хорошо помогал, – проговорила тетушка Мэгги со слезами на глазах.

Гилберт поднял руку, призывая ее к молчанию, и пояснил:

– Я хочу, чтобы вы забыли все эти годы. Я постараюсь дать вам счастье, которое поможет вам о них забыть. Что касается меня, то я этого никогда не забуду. – Затем обратился к Джону: – Ты простишь меня, сынок?

Джонни Таннер зарделся. Ему никогда не приходило в голову, что он вправе требовать что-то у отца. Даже и не снилось, что он может его за что-то осуждать. Поэтому сейчас мальчик покраснел и в отчаянии уставился в пол.

Однако уже на следующий день он увидел свет небес. Отец повез его в центр города и одел с головы до ног в лучшую одежду.

– Сойдет и это, пока портной над тобой как следует не потрудится, – заметил Гилберт Таннер. – А теперь расскажи, что тебя больше всего интересует.

– Индейцы, – выпалил сын и покраснел.

Отец бросил на него косой взгляд, неожиданно ставший холодным, пристальным и критичным. Потом спросил:

– Ты имеешь в виду краснокожих, верно?

– Да, – подтвердил Джон.

– Ты хочешь снимать скальпы, я полагаю, и иметь табун пони?

Джон посмотрел на него с сожалением. Доверие мальчика можно завоевать, но не насильно.

– У меня самого были такие же мечты, – сообщил отец.

– Знаешь, – признался Джон, – я тоже немножко об этом подумываю.

– Самый лучший способ скоротать зимний вечерок, – поддержал его Гилберт Таннер. – Полагаю, у тебя есть ружье, мой мальчик?

– О нет! Конечно же нет.

– Никогда не пробовал стрелять?

– Стрелял, и довольно много. Тетушка Мэгги давала мне время от времени деньги на день рождения, на Рождество и так далее. Я ходил в городской тир и стрелял по мишеням.

– Тебе нравится стрелять?

– Больше всего на свете.

– У тебя будет ружье, и не одно, – заявил отец. – И лошади тоже. Положись на меня! Ружье, пистолеты и все, что ты захочешь. Составь список. Теперь у тебя будет новая жизнь, Джонни.

И эта жизнь началась в тот же день. Они вернулись домой с парой мелкокалиберных ружей и парой легких пистолетов.

– Это для начала, – заметил Гилберт Таннер. – Потом получишь кое-что получше.

Получше? Когда мальчик смотрел на блестящий металл оружия, лежащего на его кровати, то чувствовал себя словно в раю. Он гладил ружья и пистолеты и просто был в них влюблен. А Гилберт Таннер наблюдал за ним с грустной улыбкой.

В тот же вечер после ужина тетушка Мэгги сразу же отправилась спать из-за головной боли. Все происходящее слишком ее взволновало. Днем она то принималась плакать, то смеялась или хихикала, ее била дрожь.

Джон сидел на краешке стула и наблюдал за отцом, расположившимся в противоположном углу гостиной. Гилберт Таннер держал спину очень прямо, словно кавалерист, но не из-за нервного возбуждения, а по привычке, как человек, привыкший командовать другими людьми. Джону было непросто

смотреть в его умные серо-зеленые глаза, но, время от времени улыбаясь, он это выдерживал. Ему хотелось найти слова, чтобы выразить свою благодарность за поток подарков, которых, по его мнению, было достаточно, чтобы осчастливить его на всю жизнь. Но слова не шли на ум. В горле стоял ком.

- Тебе что больше понравилось, ружья или пистолеты? - спросил отец.

- Пистолеты, - не задумываясь ответил мальчик.

Отец слегка приподнял бровь.

- Наверное, я не прав, - покаянно пробормотал мальчик.

- Ну, - откликнулся Гилберт Таннер, - пистолеты - вещь очень неплохая. Особенно если ты собираешься брать на бордаж пиратское судно или останавливать богачей ночью на большой дороге. Конечно, для этого пистолеты сгодятся. - Тень веселой улыбки скользнула по его лицу, и он добавил: - В противном случае, думаю, ружье гораздо полезнее.

- Я об этом не задумывался, - признался Джон. - Но знаешь, если придется сражаться с индейцами, то пара пистолетов...

Он заставил себя замолчать, прикрыв рот ладонью. Глаза его округлились, взгляд остановился. Мальчуган понял, что сваял дурака. Но его отец только согласно кивнул.

- Я тебя прекрасно понимаю, - заявил он. - Пистолеты предназначены для стрельбы с близкого расстояния. Но с этим им все равно не сравниться.

- С чем? - не понял мальчик.

- Вот с этим, - ответил отец и откуда-то из-под полы вытащил нечто, очень похожее на пистолет, за тем небольшим исключением, что у основания его дула был какой-то странный стальной цилиндр.

- Эта небольшая штучка янки стреляет ровно шесть раз без перезарядки. Ты сможешь уложить сразу шесть индейцев, Джон. Не успеешь и глазом моргнуть,

как получишь шесть трупов. Как тебе это нравится?

Глава 2

История Таннера-старшего

Мальчуган остолбенел от восторга. Он понял, что все его заветные мечты начинают немедленно осуществляться, хотя и в совершенно ином аспекте.

- Ты не шутишь, папа? - спросил Джон, подозрительно всматриваясь в лицо отца.

- Конечно нет, - ответил тот. - За последние тринадцать лет я не пошутил и тринадцати раз. Ты видел, как действует эта штука? Ее изобрел Сэмюэл Кольт. И я полагаю, с помощью этого изобретения он изменит ход истории всего человечества. Вот как эта вещь разбирается.

Гилберт Таннер положил оружие на стол, и словно по мановению волшебной палочки оно распалось в его руках на составные части.

- Ты это делаешь почти автоматически! - восхищенно воскликнул мальчик.

- Ну, Джонни, - улыбнулся отец, - в мире все создано руками человека. И конечно, нет ничего такого, чего нельзя собрать, если уж разобрал. Со временем и ты этому научишься.

Он принялся объяснять устройство кольта со всеми подробностями. Внимательные глаза мальчика впивались в каждую деталь.

- Шесть выстрелов! - зачарованно произнес он, качая головой.

Да, таким градом пуль можно разогнать целую толпу! Огромную толпу воинственных, неистово вопящих индейцев, готовых наброситься после первого же выстрела, но удивленных и сбитых с толку непрекращающимся оружейным

огнем. Они тут же расступятся и бросятся удирать от волшебного пистолета.

- И что, теперь на Западе много таких? - поинтересовался Джон.

- Да, встречаются иногда. Но не думаю, что их много. Лично я получил его от шкипера-янки в южных морях, - ответил отец и издал тихий смешок.

Мальчик уставился на него горящими глазами, не осмеливаясь задать вопрос.

- Нет, я его не покупал! Вовсе нет! - пояснил Гилберт Таннер.

- Тогда что же тебе пришлось сделать, чтобы заполучить его? - не удержался Джон от вопроса.

Отец пристально посмотрел на сына. И тому снова стало трудно выдержать пристальный, будто проникающий в самые глубины его мозга, взгляд внимательных серо-зеленых глаз. Но ему все-таки это удалось.

- Так вот, Джонни, - продолжил отец, - думаю, ты уже достаточно взрослый, чтобы хранить секреты.

Джон засиял.

- Можете на меня положиться, сэр!

- Шкипер, у которого я взял этот пистолет, был моим конкурентом.

- Конкурентом по бизнесу, сэр? - уточнил мальчик.

Гилберт Таннер поднял глаза к потолку.

- Ну да, в определенном смысле его можно назвать конкурентом по бизнесу, - согласился он. - Будем считать, что так, Джон. Я пока не могу объяснить тебе всего, но когда-нибудь непременно это сделаю. - Он помолчал и честно добавил: - Наступит день, когда ты узнаешь историю всей моей жизни. В ней были черные и даже очень черные дни. А пока я поведаю тебе об этом вкратце, поскольку то

был для меня красный день календаря, давший возможность снова вернуться домой.

– Тогда и для меня это был самый счастливый день! – воскликнул Джон.

– Вероятно, – отозвался отец. – Наступит день, когда ты почувствуешь его преимущества больше, чем теперь. Но в любом случае ты имеешь право знать об этом дне, так как именно он вернул меня домой и дал мне оружие, которое так сильно тебе понравилось.

Джон еще ближе подвинулся к краешку стула. Его глаза блестели, словно звезды.

– Суть в том, – начал Гилберт Таннер, – что у меня было уютное маленькое суденышко, а у этого моего конкурента, этого шкипера, – отличный большой корабль. Зато у меня была небольшая, подчиняющаяся мне с первого слова команда, а у него на борту – банда головорезов. И еще: груз, который я вез, был ему нужен. Он считал, что у него есть на это право. Конечно, в определенном смысле оно у него было. А я считал, что имею право на груз, который находился на его судне. И в этом тоже была определенная доля правды.

– Я что-то не совсем понимаю, – признался сбитый с толку Джон Таннер, закусив губу, весь обратившись во внимание.

– Когда-нибудь я расскажу тебе поподробнее, – пообещал отец с тенью легкой улыбки.

– Спасибо, сэр.

– Ну вот. Когда я заметил его судно, плывущее в тумане, то сменил направление и пустил мое суденышко по ветру. При попутном ветре я развил неплохую скорость, но когда посмотрел назад, то увидел, что его корабль плывет гораздо быстрее. Ему помогали паруса, которые намного превосходили оснастку моего суденышка.

Он замолк, погружившись в размышления.

– И что потом? – не выдержал мальчик.

– Тогда я понял, что уйти мне не удастся. Поэтому решил принять бой. Ветер стал порывистым, и я понял, что он вот-вот переменится. Приказал команде встать на изготовку и приготовиться извлечь из данной ситуации выгоду. К этому времени с большого корабля открыли пальбу – капитан на языке пушек отдавал нам приказ лечь в дрейф.

Но как раз в этот момент ветер переменился. Мы мгновенно развернулись и пустили наше суденышко в обратном направлении вдоль борта большого корабля. Можно сказать, от такого поворота событий у наших преследователей перехватило дыхание. Их корабль был таким большим, что они надеялись слопать нас без всяких усилий. Или поясню по-другому, их корабль настолько превосходил наш по размерам, что они никак не ожидали от нас сопротивления. Думали, мы бросимся от них удирать, а они нагонят нас в открытом море и раздавят как слон муху.

– Но они вас не догнали! – воскликнул мальчик, захлопав в ладоши.

– Да нет, это скорее мы их догнали. Скользя по правому борту большого корабля, мы зацепили его баграми и в мгновение ока крепко прижались к борту. Моя команда была готова к штурму, а люди на том корабле – нет. Мои парни перемахнули через высокий борт, словно кошки, и, когда они оказались на палубе, тут же засвистели сабли, защелкали пистолетные выстрелы, засверкали выдвижные лезвия адских малайских ножей. Я покажу тебе несколько их экземпляров потом.

– Вы их победили! – обрадовался Джон.

– Ну, почти. Они не ожидали, что мы сумеем вот так попасть на их корабль. Поэтому, когда мы появились, кинулись врассыпную и даже не успели понять, что происходит, как половина палубы уже была за нами. Но потом шкипер позвал на помощь своих офицеров и нескольких опытных бойцов, чтобы схватиться с нами на шкафуте[1 - Шкафут – узкая часть палубы.]. Нам пришлось пережить несколько несладких минут. Однако, Джонни, запомни: тот, кому удалось одержать победу с самого начала, намерен побеждать и впредь. У них было больше людей, и они были столь же хорошими бойцами, как и люди из моей команды. И шкипер у них был не хуже меня, и сражался наравне со мной.

Но у меня было преимущество в неожиданности. А его люди теснили друг друга в беспорядочной толпе. Им было мало простора. Через несколько минут они отступили и бросились бежать.

- И куда же они побежали? - удивился Джон.

- В море, конечно, - спокойно пояснил отец. - Но шкипер и его помощники не обратились в бегство. В их трюмах находилось то, ради чего они готовы были умереть. И тогда шкипер бросился на меня, стреляя из этого револьвера.

- Из этого самого? - переспросил мальчик.

- Из него. Но он поскользнулся на чем-то на палубе.

- На крови? - выдохнул Джон.

- Наверное, это была кровь. В общем, зашатался и упал, и тут мои парни накинулись на него.

- И убили?

- Нет, не убили. Потому что когда он увидел, что его конец близок, то прохрипел, что отдаст мне то, что стоит его жизни, и даже больше. Ведь в определенном смысле, принимая во внимание его профессию, он был тем, кого мы называем честным человеком. Я услышал его слова и крикнул парням, готовым с ним разделаться. Потом послал несколько человек сообщить его людям, которые плавали в воде, что они могут подняться на борт. А остальных отправил проследить за грузом, потому что часть его нужно было перегрузить на мое судно. Сам же я отправился в каюту к шкиперу, и мы с ним выпили по стаканчику вина.

- Вы так быстро подружились? - поинтересовался мальчик, удивляясь все больше и больше.

- Вроде того, Джонни. Ведь я держал этот самый его пистолет, который подобрал с палубы, и целился ему в голову. «Ну и какую цену ты хочешь заплатить за свою жизнь?» - спросил я. «Она у тебя в руках», - ответил он. «Ты

имеешь в виду пистолет?» – слегка разозлился я. «Передерни голову дракона справа налево, – сказал он, – а потом поставь ее снова на место». Вот видишь, Джонни, на рукоятке эту штуковину, которая напоминает голову дракона? Я сделал, как он сказал, вот как сейчас, и мне на руку выпало нечто.

При этих словах Гилберт Таннер передернул голову дракона, потом поставил ее снова на место, и из выемки в рукоятке ему на ладонь выскочила огромная жемчужина, которая блестела словно маленькая луна в темном безоблачном небе!

Глава 3

Болтун на заборе

– Тут половина того состояния, что я привез домой, – пояснил старший Таннер. – На вид совсем маленькая вещь, но стоит больших денег. У этой жемчужины своя история.

– Она прекрасна, – произнес Джон, беря и рассматривая жемчужину. – Никогда не видел ничего подобного. Лучше убери обратно, пока я ее не уронил.

– Не уронишь, – заверил отец с хмурой улыбкой. – Ее еще никто не ронял, хотя она переходила из одних рук в другие. Она была причиной больших неприятностей и вызывала столько разговоров, сколько я за всю мою жизнь не слышал. Но здесь она в полной безопасности. Не думаю, что кому-то взбрет в голову искать жемчужину в рукоятке пистолета, верно?

– Да, – согласился Джон, – полагаю, никто не догадается. Отличный тайник. А что, если ты уронишь пистолет?

– Теперь за мной стоят закон и порядок, Джонни, – пояснил отец. – Кроме того, я не собираюсь ронять мой пистолет. Но спрятанное оружие рано или поздно приносит большие неприятности. Поэтому я уберу его в ящик бюро в моей комнате. Пусть жемчужина там полежит, пока я не найду честного ювелира, который даст за нее настоящую цену, и достаточно богатого, чтобы

расплатиться со мной. Должен сообщить тебе, Джонни, что по качеству своему эта жемчужина – самая лучшая в мире. Индусы называли ее Дочерью Луны. Неплохое название, как ты считаешь?

– Да, сэр, – согласился мальчик.

Он вернул жемчужину и немного отступил, глядя на отца с возросшим вниманием.

Гилберт Таннер ответил ему столь же пристальным взглядом.

– Сегодня ты кое-что обо мне узнал. Позднее узнаешь еще больше, когда я сам разберусь в тебе получше, а ты – во мне. Со временем будешь знать обо мне почти все, хотя в моем рассказе все равно останутся темные места. Понимаешь?

Джонни Таннер подумал о залитой кровью палубе торгового судна и о сражающихся на ней бойцах и кивнул:

– Да, полагаю, немного понимаю.

– Тогда отправляйся скорее спать. У тебя был длинный день. Но запомни одно.

– Да, сэр?

– Мы с тобой друзья до конца, ведь верно?

Джонни порывисто протянул руку и изо всех сил пожал ладонь отца. Оказалось, что она прохладная и твердая, словно железо.

– Да, сэр, – подтвердил Джонни, – до конца.

Укладываясь в постель, он чувствовал, что в нем что-то изменилось, словно в него вдохнули новую жизнь. Джон ощущал себя другим человеком. Из каждого взгляда, слова и поступка отца исходили доверие, серьезная привязанность к нему и преданность. Это не могло не вызвать в нем ответной реакции.

Затем, лежа на спине, мальчик долго всматривался в темноту ночи и представлял себе прошлую жизнь Гилберта Таннера.

Он многого не знал, но и того, что услышал, было достаточно, чтобы догадываться о необыкновенных событиях его жизни. Было ясно, что отец Джонни – искатель приключений. Возможно, в свое время он натворил немало бед. Но наверняка сделал и немало добра, поскольку добро присуще его прямой искренней натуре. Возможно, совершал и преступления, но сын надеялся, что не слишком жестокие. Несомненно, если судить по рассказанному эпизоду, вел жизнь полную насилия, но ведь и Дрейк, и другие великие герои, перед которыми мальчик преклонялся, тоже его не избежали.

Наконец Джон погрузился в счастливые сны, от которых очнулся, когда яркое солнце стояло уже высоко.

По прежнему распорядку дня ему следовало бы быть на ногах еще с восхода. Мальчик в испуге выпрыгнул из постели прямо на середину комнаты, протянул руку к одежде, но когда увидел ее, вдруг вспомнил, что она у него новая, как новая у него и жизнь!

Ему больше не надо выполнять тяжелую работу на кухне и по дому. Он свободен! Оставалась только школа, но в школу надо было идти только в понедельник. Целый день мальчик будет сам себе хозяин. Он оделся и спустился к завтраку, терзаемый чувством вины.

После того как они поели, отец отправился в город, где у него были какие-то дела, тетушка Мэгги тоже куда-то ушла до полудня, так что к девяти часам Джонни Таннер остался один-одинешенек на заднем дворе – развлекайся до обеда сколько влезет!

Свободное время он ценил на вес золота. Интересно, привыкнет ли когда-нибудь, что его стало много? Однако решил над этим долго не размышлять – его мозг был занят мечтами наяву. Сегодня он не хочет воображать себя индейцем. Он будет капитаном торгового судна в Южных морях. Будет командовать бравыми и отчаянными моряками. Сначала обратится в бегство от превосходящего силой врага, а потом, перехитрив, атакует его и победит!

Для подобного мероприятия денек был самый подходящий. Дул резкий северо-восточный ветер, облака стремительно неслись по небу, солнце светило ярко, но жара немного спала.

Кусты на пустыре трепетали и гнулись под порывами ветра, который наклонял макушки молодых деревьев. Их не трудно было вообразить оснасткой судна, трепещущей под ветром, а ряд более высоких деревьев чуть сзади – бортом другого судна. Через минуту Джон уже был весь во власти игры.

Интересно, а как одета команда торгового судна южных морей?

У него об этом не было ни малейшего представления, поэтому он надел на себя милый его сердцу индейский наряд. И все же для полного совершенства не хватало одного: револьвера, лежащего в комнате отца.

Когда мальчик подумал о нем, по его юному телу от волнения и удовольствия прошла дрожь. Если он пойдет туда, найдет оружие и возьмет его на время, чтобы поиграть, – будет ли это кражей?

Джон взвесил ситуацию со всех сторон. Он был строго воспитан на принципах честности, но сейчас чувствовал, что отец легко простит ему столь незначительное нарушение. Ведь ему не доведется повредить оружие, и уж наверняка оно не причинит вреда ему самому! Нужно только не касаться пальцем спускового крючка.

Поэтому мальчик пошел в дом и поднялся в комнату, где расположился Гилберт Таннер. Первое, что бросилось ему в глаза, были висящие в головах кровати кривые ножны, из которых высовывался украшенный драгоценными камнями эфес. Он уставился на саблю словно зачарованный. У него возник странный соблазн вытащить ее из ножен, но тут Джон вспомнил, что отец еще не показывал ему это оружие. А вот с револьвером было совсем другое дело. Отец по доброй воле открыл ему свои секреты.

Мальчик выдвинул верхний ящик бюро и тут же взял револьвер в руки.

Если и есть в его действиях что-то нехорошее, конечно же удача будет на его стороне!

Он поднял сокровище.

Интересно, жемчужина еще там?

Джонни повернул голову дракона, потом вернул ее на место, и ему на ладонь выкатилось блестящее маленькое чудо. Казалось, жемчужина сверкала еще сильнее, прямо светилась кремовым светом изнутри в сумерках комнаты, окна которой были закрыты ставнями. Внезапно мальчик почувствовал, что он совершенно один и что эта вещь таит в себе опасность.

Засунув жемчужину обратно в тайник, он дернул голову дракона, поставив ее на место, затем спустился по лестнице и вышел во двор.

Это было совсем другое дело – настоящее оружие вносило в его игру достоверность. С револьвером за поясом Джон отправился к качающимся от ветра деревьям, а потом с ветки на ветку легко и быстро забрался на одно из них. Он знал каждую ветку, знал, какой вес она может выдержать, знал, на какой высоте от земли она расположена. Мальчик много часов провел в ветвях, днем и даже при свете луны, поэтому теперь забирался на дерево, чувствуя себя в полной безопасности.

Он был уже почти на вершине грот-мачты и собрался прокричать команду сменить курс корабля, чтобы пустить его в подходящем ветре прямо под нос вражеского корабля, как кто-то позвал его с дощатого забора.

Мальчик посмотрел вниз сквозь зеленые ветви дерева и увидел длинного, худого верзилу, сидящего верхом на заборе свесив ноги, словно он устроился на стуле. Конечно, поверх забора была приколочена длинная доска, что делало его положение вполне сносным.

– Привет, незнакомец! – сказал человек на заборе.

– Привет, – отозвался мальчик.

– Ты один из дел аваров или индеец племени «черноногих»? А может, ты забрался в Скалистые горы?

Эти названия произвели на мальчика должное впечатление.

- Эй, - заинтересовался он, - вы знаете эти места?

- Могу поклясться, - ответил верзила.

Через пять секунд младший Таннер был на земле перед забором, позабыв о кораблях и даже о револьвере за поясом.

- Спускайтесь сюда! - пригласил он.

Незнакомец отрицательно покачал головой.

- Когда я был еще несмышленышем, моя мамочка обычно говорила: «Гарри, никогда неходи никуда, если только тебя не пригласил сам хозяин». И я этих слов никогда не забываю. Знаешь, как это бывает: втемяшилось в голову, и никак оттуда не выбьешь, - сказал он совершенно серьезно, при этом постукивая себя по лбу, подмаргивая и кивая Джонни, словно желал оживить в памяти мальчика подобные вещи.

Гарри был настолько худ и легок, что походил на огородное пугало. Видно было, что он очень беден, потому что пиджак у него был из одной материи, а брюки - из другой. Штанины, заканчивающиеся бахромой, едва доходили до щиколоток. Каблуки на ботинках с толстой подошвой с внешней стороны были стоптаны.

- Моего отца нет дома, - сообщил Джонни, - но вы все равно можете спуститься сюда.

- Нет дома, говоришь? - переспросил Гарри.

И его маленькие глазки сверкнули, когда он глянул в сторону дома. Верзила схватился за край доски и подался вперед, словно уже хотел было спрыгнуть вниз, но потом почему-то передумал. Удержался и принял прежнюю позу.

- Мне и здесь неплохо, - заявил он. - С такой высоты только проповеди читать, а врать как-то неудобно.

Он широко улыбнулся мальчику, и тот ответил ему улыбкой. Джон никогда прежде еще не встречался с такими людьми. Этот парень выглядел как настоящий бродяга. И будь мальчик более осторожным, он, возможно, перепугался бы. Но младший Таннер был уверен в силе собственных рук и широких плеч. Во всяком случае, его грудь не шла ни в какое сравнение с узкой грудью незнакомца, поэтому он нисколько его не боялся.

Глава 4

Специалист по индейцам

Джонни поинтересовался:

– А чем вы занимаетесь? И с какими индейцами вам довелось встречаться?

Его собеседник сощурил один глаз, словно это помогало ему вспоминать.

– Ну, сэр, – произнес он доверительно, – вот что я вам скажу. Я был торговцем, погонщиком мулов и разведывал бизоньи стада. Ставил ловушки и сам в них попадался! – Верзила разразился высоким хриплым смехом.

– Вы попадались в ловушки?! – удивился Джонни.

Дылда махнул рукой и решил сменить тему.

– Это длинная история, – объявил он. – А вот насчет индейцев, с которыми мне приходилось сталкиваться. Ну, я знаю их вдоль и поперек, начиная от низкорослых кривоногих ассинибойнов, кончая конокрадами-команчами, черт бы подрал их грязные красные шкуры! И конечно апачи. Эти апачи такие трусливые, что им совершенно нельзя доверять!

– Я слышал о них. То есть хотел сказать, читал, – поправился Джонни Таннер. – Как бы мне хотелось узнать о них побольше!

– Самый лучший способ узнать апачей и команчей – это расспросить о них мексиканцев.

– Мексиканцев?

Гарри подмигнул.

– Апачи и команчи – это настоящая зараза в Мексике, просто болезнь.

– Не понимаю, что вы хотите сказать, – замялся Джонни.

– Поймешь, если поживешь где-нибудь к югу от Рио-Гранде, – пояснил Гарри. – Да и к северу тоже. Апачи и команчи там разносят разные болезни. Когда наступает Мексиканская Луна, пастухи заболевают перемежающейся лихорадкой, вот что я скажу.

– А что такое Мексиканская Луна? Никогда не слышал.

– Ну, это когда команчи и апачи прокладывают тропу на юг, а им светит луна.

– То есть идут по тропе войны, вы это хотели сказать?

– Я хотел сказать, что они отправляются красть лошадей и угонять скот, но, конечно, им приходится сражаться.

– Догадываюсь, они очень неплохие воины, – заметил Джонни с округлившимися глазами.

– Можешь поверить мне на слово. – На этот раз Гарри закрыл оба глаза и не открывал их, пока согласно кивал головой, чтобы Джонни убедился в искренности его последнего утверждения.

– Полагаю, они почти такие же хорошие воины, как и белые, верно? – решил удостовериться мальчик.

Маленькие глазки верзилы внезапно открылись и пристально, не мигая, уставились на мальчика, словно глаза птицы.

- Что ты хочешь этим сказать? - требовательно спросил он.

- Ну, я просто поинтересовался, уступают ли индейские воины белым.

Гарри посмотрел на небо, потом снова на Джонни.

- Понимаю, что тебя интересует. Представим, что десять тысяч индейцев стоят напротив десяти тысяч тренированных солдат в чистом поле, и кто тогда победит?

- Ну да, вроде того...

- Ну, подобного никогда не происходит. Никогда! Все дело в том, что индейцы - словно облака в небе. Иногда их много, а иногда - нет совсем. Ты начинаешь преследовать одного краснокожего, а их оказывается три десятка, и ты теряешь свою шевелюру.

- То есть они снимают скальп? - предположил мальчик, гордый своими знаниями.

- Угу. Сам знаешь, - согласился Гарри и продолжал: - Я говорил, что ты преследуешь одного, а потом откуда ни возьмись появляется три десятка. А представь, что их тридцать и целый отряд кавалерии отправляется за ними в погоню. И вот тогда три десятка индейцев превращаются в одного, они поднимают целое облако пыли, а когда пыль оседает, то там вообще ни одного индейца не остается.

- Елки-палки! - изумился Джонни. - Как им это удастся?

- Снадобья, - серьезно пояснил Гарри почти шепотом. - Они изготавливают всякие снадобья и исчезают. С помощью снадобий они могут все, что угодно.

- Я уже слышал о всяких снадобьях, - припомнил мальчик. - Но где-то прочел, что это всего лишь суеверие. - Он гордился, что выговорил это слово, и даже

немного покраснел, произнеся его.

Гарри уставился на него не моргая.

– Некоторые называют это так, другие – иначе. Но я лично считаю, что попасть к индейцам – хуже некуда. Вот так-то. И еще, за каждого краснокожего, застреленного солдатами или горцами, индейцы убивают белого. Хотя краснокожих убивают не только из ружей, их уничтожают с помощью виски.

– Я и об этом слышал, – обрадовался Джонни. – Догадываюсь, виски – ужасная вещь.

– Ты догадываешься, а я знаю, – заявил Гарри. – Я был там, где виски самое крепкое. Это в Санта-Фе. И знаешь, что я тебе скажу: ружье может убить с расстояния полумили. А виски прикончит тебя в течение месяца! Нужно прислушиваться к голосу своего рассудка, думать нужно. Уши – это только двери. Важно то, что происходит внутри дома.

Джонни кивнул в знак согласия. Он чувствовал, что встретил самого необычного человека в мире.

– Но око за око, – продолжал разглагольствовать Гарри, – а индейцев в прериях – как рыбы в море. А белых, белых не так уж много. Да и потом, белому человеку нужно время от времени дышать, а краснокожему – совсем не обязательно! – И он снова прикрыл оба глаза, в подтверждение сказанному.

– Полагаю, вы правы, – отозвался мальчик.

– Ты полагаешь, а я знаю, – резко возразил ему Гарри.

– А какие самые лучшие воины?

– Ты имеешь в виду индейцев?

– Да.

– Скажи, ты подразумеваешь племя?

- Ну да, племя или одного.

- Ну так и быть, скажу. Заруби себе на носу: лучшие воины – это делавары, которые бродят повсюду и нанимаются в проводники. У них отличные ружья, потому что они работают на белых. У них самые быстрые лошади, потому что они воруют именно таких. У них есть мозги, потому что нет своих охотничьих угодий, потому что они разбросаны, а еще потому, что они – нечто среднее, не белые и не красные, можно сказать.

- Вы имеете в виду цвет их кожи? – удивился мальчик.

- Нет, я хотел сказать про их сердца и души, про их внутренности. Делавару можно верить, пока он доверяет тебе.

- Вот замечательно! – воскликнул с энтузиазмом Джонни.

- Все индейцы замечательные по сравнению с нами, – уточнил Гарри.

- Да ну! – возразил мальчик. – Я-то думал, что они только постоянно убивают.

- Их этому научили, – пояснил дылда. – Их обманывали, пинали, дурачили и грабили, пока им это не надоело. У них нет законов, судей и тому подобной чепухи. У них есть только луки и стрелы, ружья и ножи. Сегодня ты ударишь индейца, а завтра он перережет тебе горло. Я считаю, это по-честному.

- О! Я никогда не смотрел на это с такой точки зрения, – признался Джонни.

- Ты не одинок, – утешил его Гарри.

- А вы не расскажете мне о самом воинственном племени?

- Конечно, я могу рассказать тебе о самом воинственном племени. Мне это ничего не стоит. Если ты подразумеваешь племя, в котором большинство воинов конные, а храбрецы – настоящие мужчины, крепкие, словно сыромятная плеть, и подлые, словно скипидар, тогда это племя дакота.

- Какое? – переспросил мальчик.

- Сиу. Не слышал?

- О да! Теперь я вспомнил название.

- Его стоит запомнить. У них тучи лошадей и не меньше наездников. И каждый воин – настоящий кусок динамита. Поверь мне, это так!

- Я вам верю, – торжественно заверил собеседника Джонни.

- Но, – рявкнул Гарри, подняв тощий длинный палец, – если ты имеешь в виду племя, сотня воинов которого может смести с лица земли любую сотню противников – будь то белые, краснокожие, желтые или черные, – тогда останови свой выбор на племени шайенов!

- Не думаю, что я о них слышал...

- Неужели? – удивился верзила, критически склонив голову набок.

- Нет, не думаю, – подтвердил Джонни Таннер. – А какие они собой?

Гарри задумчиво прищурился.

- Ну, они похожи на стремительную молнию, падающую на землю. Вот они какие. Ростом около шести футов, волосы – до пят. У них хорошенькие девушки и трудолюбивые скво, которые никогда на тебя не смотрят прямо. У них самые лучшие в прериях лошади и много ружей. До сегодняшнего дня не многие из них пробовали на язык виски. Поэтому они еще окончательно не испорчены. Но старое доброе виски, оно в конце концов их прикончит, как всех остальных, только дай ему время. Я и сам от него пострадал. Когда-то я был настоящим мужчиной, но виски сгубило меня, как мучнистая роса розу. – Он хмуро уставился в землю.

Джонни в приступе острой жалости стал искать предмет разговора, который отвлек бы беднягу от его грустных мыслей.

– У меня было три жены, – печально продолжал между тем Гарри, – и пятьдесят лошадей, семь ружей и седел, семь томагавков и ножей, полный патронтаж. А старейшины племени обычно приходили в мой вигвам и спрашивали моего совета. «Длинная Стрела», – обычно говорили они. Они дали мне такое имя: «Длинная Стрела». Так вот: «Длинная Стрела, мы в беде, нам нужен совет белолицего. Помогите нам». Вот каким человеком я был в свое время, пока виски меня не сгубило. А теперь посмотри, что от меня осталось!

– Мне чрезвычайно жаль слышать о ваших неприятностях, – посочувствовал ему Джонни. – Но когда вы были еще там, не видели, у них есть револьверы?

– Револьверы? – переспросил собеседник. – Минуточку, если уж на то пошло, я слышал что-то про эти штуки. Оружие, которое стреляет сразу шесть раз? Это ты имеешь в виду? Но я никогда такого не видел.

– Ну, у меня есть один такой, – не удержался, чтобы не похвалиться мальчишка. – И, гордо улыбаясь, протянул верзиле револьвер.

– Вот это да! – изумился Гарри, вытаращив глаза и затаив дыхание. Затем протянул руку. – Можно мне взглянуть?

Глава 5

Украденная жемчужина

Джон Таннер вдруг засомневался. Он посмотрел на револьвер, потом перевел взгляд на лицо мужчины на заборе. Гарри жил среди индейцев, и его сгубило виски. Кроме того, он одно время имел нескольких жен, а Джонни было известно, что согласно религии иметь больше одной жены нехорошо.

Хотя всем известно, что Генрих Восьмой имел шесть жен. Или восемь? Но он был женат на них по очереди. Даже освобождал место для следующей жены, отрубая голову предыдущей. У мальчика возникли смутные подозрения, что его собеседник не вполне отвечает требованиям кристально честного человека с точки зрения закона, хотя не мог точно сказать, на чем они были основаны.

– Я не знаю, – промямлил он. – Видите ли, револьвер не мой.

– Но ведь он у тебя, разве не так? – требовательно спросил Гарри, теряя терпение.

– Но он же не мой!

– Ну-ка, посмотрим. Ну да, теперь-то я вижу, что это обыкновенный пистолет с какой-то дополнительной шайбой у основания дула. Вот и все.

– А вот и нет! Эта «шайба» поворачивается, – возразил мальчик.

Глаза Гарри расширились и загорелись нехорошим огнем.

– Понятно, – сказал он. – Это просто-напросто обманка. Это еще ничего не значит. Это – обычная уловка.

– Но с помощью такой уловки можно убить сразу шесть человек, – вновь возразил Джонни.

– Рассказывай! – поддел его Гарри. – Да разве кто-нибудь убил из него сразу шестерых?

– Не знаю, но из него действительно можно уложить шесть человек. Каждый раз, как нажимаешь на спусковой крючок и производишь выстрел, барабан поворачивается...

– Ну и что с того? – безразлично поинтересовался верзила и внимательно осмотрел крепкую фигуру мальчика, а потом через плечо бросил осторожный взгляд в направлении дома.

– Мой отец говорит, что револьвер стреляет шесть раз без перезарядки, – разволновался Джонни еще сильнее. – В барабане есть выемки, в которых находятся пули.

– Я что-то не могу их разглядеть, – пожаловался Гарри, качая головой. – Я вообще ничего не могу рассмотреть.

– Да почему же? Их же видно! Посмотрите сюда! – Мальчик приподнял револьвер к нему поближе.

– Не видно. Должно быть, я стал близорук, – прикинулся Гарри.

Джон Таннер привстал на цыпочки и поднял револьвер над головой на вытянутой руке.

– А теперь? Видите?

– Погоди-ка минутку, – попросил Гарри и наклонился вперед, сощурившись изо всех сил. Внезапно его длинная худая рука молнией метнулась вперед и схватила револьвер. – Придется пойти домой, чтобы хорошенько рассмотреть его, надев очки, – бросил он.

Джонни Таннер, задохнувшись от изумления, увидел, как длинные ноги бродяги перемахнули через забор, и Гарри исчез из виду – лишь его смешки слышались с противоположной стороны.

– Вор! Вор! – закричал мальчик, бросаясь на забор, словно дикая кошка, взбирающаяся на отвесную стену.

Но зацепиться на нем было не за что. После нескольких тщетных попыток он побежал к козлам для пилки дров, на которых перепилил не один их кубометр для печки. Мальчик почти обезумел. Потеря револьвера – само по себе большое несчастье, но ведь с ним связано слишком многое. Его отец возвратился из дальних стран богатым человеком, однако половина его богатства находилась как раз в рукоятке оружия!

Он видел жемчужину – это Дочь Луны. В воображении Джонни жемчужина вдруг выросла до невероятных размеров, стала почти как настоящая луна, огромная, одинокая луна, которая затмевает звезды и плывет по темному небосводу.

Ради нее совершались странные поступки, многое было поставлено на карту. А теперь она потеряна навсегда из-за глупого поступка мальчишки.

Он повторял это себе, когда с перекошенным от усилий лицом подтаскивал козлы к забору.

Вспрыгнув на них, Джонни вспомнил лицо отца – честное и серьезное. Его ясные, серо-зеленые глаза смотрели прямо ему в лицо – он горел желанием найти товарища в сыне, в своей плоти и крови. А эта плоть и кровь предала его, выбросила в глупом порыве половину того, что он заработал, претерпевая лишения и нужду в течение многих лет.

Мальчик забрался на козлы, подпрыгнул и зацепился кончиками пальцев за верхнюю планку забора.

Он ухватился за нее, но ненадежно, потому что эта верхняя планка была слишком широка и он не мог дотянуться пальцами до ее противоположного края. Но многие часы лазанья по деревьям и еще более многочисленные часы работы с топором, пилой или томагавком придали его рукам силу взрослого мужчины.

Вцепившись в доску, боясь соскользнуть, он подтянулся, ловким броском перекинул тело на забор и оглянулся. Гарри, удалившись уже на целый квартал, быстро шагал по улице раскачивающейся походкой моряка.

Джон Таннер распластался на верхней планке забора и легко, как кошка, спрыгнул на землю на противоположной стороне. Встав и распрямившись, он увидел, что его обидчик оглянулся и в следующее мгновение бросился вперед на полной скорости, странно сгибая ноги в коленях.

Мальчик погнался за ним во всю мощь своих молодых сильных ног. Пробежав квартал, он все еще его не достиг, но был уверен, что ему удастся это сделать в следующем квартале. А уж там наверняка поймает вора.

Проблеск первой надежды появился в его сердце. Джонни знал только одно: он никогда не осмелится вернуться домой, никогда не сможет взглянуть отцу в глаза, пока револьвер не окажется в его руках.

С бешено бьющимся от бега сердцем мальчик представил, как Гилберт Таннер вернется домой и обнаружит, что его оружие, сокровище и сын исчезли.

Он назовет сына простым вором – нет, не простым, разве простой вор способен украсть у собственного отца?

Добежав до следующего квартала, Джонни был уверен, что догонит разбойника, он неоднократно видел узкое лицо Гарри, перекошенное от натуги, когда тот смотрел на него через плечо. Мальчику даже показалось, что на нем появилось отчаяние, и это придало ему сил. Он хотел только одного: схватиться с вором врукопашную. И пусть их рассудит Бог! Юный Джон Таннер еще верил в справедливость на этом свете. Он хорошо усвоил уроки воскресной школы, да и беспросветная нищета подталкивала его к надежде на то, что в будущем его непременно ждет счастье. И вот, безмолвно произнося молитву, исходящую из глубины души, Джонни изо всех сил бежал за Гарри.

А тот свернул с тротуара. По дороге медленно тащилась легкая двухместная коляска. Гарри вскочил в нее, прыгнув на подножку между вращающимися колесами, и что-то показал вознице жестами. В следующий момент ему освободили место, и лошади понеслись рысью. Скорость коляски возрастала, и Джонни Таннер мгновенно отстал, будто его ноги приросли к земле. Легкие мальчика полыхали огнем. Перед его глазами поплыл темный туман.

Но тут он увидел, что мимо него в противоположном направлении в крошечном казенном фургончике едет старик почтальон. Покрикивая на лошаденку, он время от времени беззлобно стегал ее по спине вожжами. Это была совсем слабая кляча, но все-таки лучше, чем ничего.

Джонни бросился через дорогу и, поравнявшись с фургоном, завопил:

– Мистер Дженкинс! Мистер Дженкинс! Вор...

Мистер Дженкинс придержал лошадь, широко открыл круглые голубые глаза, разинул от удивления рот и смешно распушил серебряные усы.

– Мистер Дженкинс! Вот в той коляске вор! Он украл деньги у моего отца. Помогите мне его догнать.

– Вор, говоришь? – спросил мистер Дженкинс со спокойствием, которое показалось мальчику просто возмутительным. Потом хмыкнул, неторопливо повернул голову в сторону закрытой коляски и увидел убежавшего мерзавца. –

Залезай сюда!

В мгновение ока Джонни был внутри казенного экипажа. А кляча, огорченная внезапным ударом хлыста, быстро развернула фургон и понеслась галопом.

– Медуза мне в глотку! Мы его купнем с райны под киль! – бросил сквозь зубы седоусый мистер Дженкинс. – Воровать, говоришь? Мы ему покажем, как красть! Мы его отучим воровать! Привязать его к мачте да всыпать пятьдесят ударов «кошкой»! Ишь ты, повадился! Бедных обворовывать!

Джонни Таннер не все понял из речи почтальона, но было ясно, что в вознице почтового фургона росла ярость, отчего его лицо покраснело, а щеки загорелись алым цветом. Он безжалостно стегал спину клячи хлыстом.

– Поднять паруса, Мейзи! – закричал почтальон. – Держи курс по ветру! Мы должны посмотреть на этого пирата! Мы возьмем его на бордаж, чтобы его рыбы съели! Смотри, парень, мы его определенно нагоняем.

Они действительно догоняли коляску, потому что бедная кляча Мейзи, жестоко подгоняемая хлыстом, неслась по булыжнику с поразительной скоростью.

Но тут коляска повернула за угол и, словно по волшебству, исчезла из их поля зрения.

– Догоним! – закричал Дженкинс. – Мы его наверняка догоним, сынок! Коляска повернула прямо к реке, и ей некуда деться, если только не переплывет реку до Нью-Джерси, но это маловероятно. Считай, он у нас в кармане. Мы покажем этому мерзавцу, как воровать!

Почтальон, видимо, получал удовольствие от яростных обличительных речей, и сердце юного Джонни Таннера забило от радостного возбуждения.

Они тоже завернули за угол. С высокого берега им было видно сияние темных вод реки Гудзон. Прямо за поворотом улицы находился причал, а у него стоял пароход с двумя невероятно высокими трубами, из которых валом валил дым.

– Мать их за ногу! – пробормотал Дженкинс сквозь зубы.

– В чем дело? – воскликнул Джонни.

– Он хочет попасть на этот пароход, и, похоже, ему это удастся.

Они увидели, как прямо перед ними в конце улицы коляска резко остановилась и из нее, словно чертик из коробочки, выскочила худая сухопарая фигура Гарри. Он рысью бросился к корабельным сходням.

Вокруг толпились последние пассажиры, но при виде матроса, несущего длинную цепь, чтобы преградить ей доступ на судно, толпа бросилась вперед. Матрос протянул руку, включив тем самым бегущего во весь опор Гарри в толпу пассажиров. Потом прошел и повесил цепь на стойку на противоположной стороне. Посадка на пароход была окончена.

Глава 6

Погоня

Дженкинс подогнал фургон к самому причалу и потряс хлыстом, грозя пароходу:

– Мерзавец! Вон он! Но мы пошлем за ним полицию на следующем пароходе.

Однако его речь не достигла ушей, для которых предназначалась. Джонни Таннер спрыгнул на землю, когда фургон еще не успел остановиться, и побежал по мосткам к сходням. Путь преградила цепь. Боковые колеса парохода уже начинали вращаться, а из труб повалил дым, еще гуще и еще чернее. Пароход пришел в движение и стал медленно отходить от сходней. Расстояние между его бортом и сходнями становилось все шире.

Если бы у Джонни было время, чтобы остановиться и подумать, он никогда бы этого не совершил. Но несясь вперед на полной скорости, он вообще ни о чем не думал. В голове у него было не больше мыслей, чем у изголодавшегося мартовского кота, когда у него замаячила возможность разжиться куском свежего мяса.

Массивную цепь, преграждающую вход на сходни, мальчик перемахнул одним прыжком и побежал по сходням, не сбавляя скорости. Матрос, впускающий пассажиров на борт, закричал на него. Какая-то женщина на пароходе вскрикнула. У борта парохода стоял толстый, одетый в военную форму мужчина, который поднял обе руки вверх, словно строго запрещая сумасшедшую попытку бегуна.

Но Джона уже было не остановить. Он видел двадцатифутовое расстояние между концом сходней и кормой парохода. Оно казалось ему огромным, но мальчик только сжал зубы, решительно зажмурился и, подбежав к краю сходней, подпрыгнул в воздух, поджав под себя ноги. А под собой скорее почувствовал, чем увидел, темную волнующуюся поверхность воды, блеск отраженных огней среди леса свай, поддерживающих причал с обеих сторон. И тут, ударившись о палубу, упал вперед.

Джонни покатился, сжавшись, словно мяч, мимо кричащего разъяренного матроса прямо в ноги наблюдавшей за ним толпе.

Люди отшатнулись от него, слышались испуганные возгласы, чей-то смех. Джон Таннер с трудом поднялся. Матрос тут же схватил его за шиворот.

Мальчик глянул на него и увидел злобное круглое красное лицо, словно с него содрали кожу. Только лоб был покрыт загаром. У него были маленький вздернутый нос и крошечные, близко поставленные глазки под нависшими бровями. Все, вместе взятое, напоминало свиное рыло, в данный момент – рыло разъяренной свиньи.

– Я гонюсь за человеком, – закричал Джон Таннер, – я гонюсь за человеком, который...

– Возможно, ты найдешь его в тюрьме, где быстро окажешься, – парировал матрос. – И я, Уилл Чалмерс, буду не я, если не обеспечу тебе небо в клеточку.

Джонни со стоном закрыл глаза, потом показал рукой вперед:

– Он здесь! Он где-то прячется. Он – вор! Вор! Он украл...

Матрос с ухмылкой, наполовину злой, наполовину самодовольной, обвел взглядом лица собравшихся вокруг пассажиров.

– Только посмотрите на него! – прервал он речь Джонни. – Вы только посмотрите и послушайте! Он еще не стар, а пользуется древними как мир уловками. Говорит, что гонится за вором. Посмотри в зеркало и увидишь этого вора, сопляк!

Кто-то в толпе громко рассмеялся.

– Это старый приемчик, – фыркнул другой.

– Вы только посмотрите на него, – произнес третий. – Сами увидите. У него лицо преступника. Обратите внимание на его глаза!

И действительно, серо-зеленые глаза мальчика яростно сверкали, пока он обводил взглядом толпу. Потом он посмотрел на державшего его моряка. Подумал было врезать твердым кулаком в его огромный, мягкий, как подушка, живот, но понял, что это бесполезно. Освободившись из рук этого мучителя, тут же попадет в десятки других.

Спорить со свиным рылом не было никакого толку.

– Отведите меня к шкиперу. Отведите меня к тому, кто здесь главный. Я буду говорить только с ним! – заявил Джонни Таннер.

– Нет, вы только на него посмотрите! Только послушайте! – произнес матрос с притворным восхищением. – Он еще мальчишка, а говорит как взрослый! – И, глянув на Джона, требовательно спросил: – Ты, маленький мерзавец, проходимец, что ты замыслил?

Мальчик почувствовал, как кровь прилила к его щекам. От беспомощного гнева его замутило.

– Я хочу, чтобы мне предоставили возможность переговорить с тем, кто здесь командует, – ответил он. – Сейчас вор на борту парохода. И в эту минуту украденная вещь с ним.

Теперь пароход уже был на стремнине и быстро набирал скорость, гладкая полоска воды позади становилась все шире и шире. Мальчика охватило отчаяние, поскольку он чувствовал свое полное бессилие.

Через толпу протиснулся офицер в синей форме с несколькими золотыми нашивками на воротничке – маленький угрюмый человечек с горьким выражением лица. Он остановился перед Джоном. У мальчика упало сердце.

– Где безбилетный пассажир? – спросил офицер. – Это он? Исправительная школа да диета на хлебе и воде – вот чего он заслуживает за свой поступок.

Матрос рассмеялся и объяснил:

– Говорит, что гонится за воров. Ну, я посоветовал ему глянуть на себя в зеркало. За воров! Вы только на него посмотрите! Он еще соплик, а уже такой хитрый!

Коротышка офицер указал пальцем прямо Джону в лицо:

– Эй, ты, как твое имя?

– Джон Таннер.

– Где живешь?

– Линден-стрит, дом номер 78, это в восточной части города.

– Что? – переспросил офицер.

– Да, именно там я и живу.

– Ну, я знаю те места.

– Моя тетя содержит пансион. Ее зовут Маргарет Таннер.

– Да ну?

Офицер посмотрел на матроса с кривой ухмылкой.

- Не верьте ни одному его слову, - запротестовал матрос.

Мальчик одарил его яростным взглядом.

- Мне все равно, как вы со мной поступите, - сказал он коротышке офицеру. - Вы можете избить меня, отправить в тюрьму, но обыщите пароход и найдите вора!

- И кого же нам искать? - поинтересовался офицер, на которого прямота и убежденность Джонни все больше производили впечатление.

- Он похож на огородное чучело, - принялся описывать мальчик. - Одет почти в лохмотья. У него маленькие глазки, очень светлые. Похожи на глаза птицы. Он довольно высокий и подлый...

- Эй, - сказал чей-то голос из толпы, - я видел, как похожий парень поднимался на борт. И вид у него был как у настоящего вора. Такой на все способен.

Скорость парохода постепенно уменьшалась. Джон Таннер, почувствовав это, в отчаянии посмотрел вперед и увидел, что они сбавили обороты и подходят к пристани на противоположном берегу. Там возвышались огромные сваи, бока которых были вдавлены и стерты в щепки там, куда причаливал пароход.

- Если вы собираетесь что-то предпринять, то делайте скорее! - закричал Джонни. - Потому что мы уже почти причалили к берегу!

- Я считаю, мальчик говорит правду, - отозвался офицер. - А что украл этот мерзавец?

- То, что принадлежит моему отцу.

Он не стал объяснять, что это револьвер. Возможно, здесь еще никто не слышал о таком оружии.

– Пошли вперед. Мы преградим выход, и он попадет в ловушку, – сказал офицер.

Он сразу же пошел вперед, а Джонни, которого к тому времени отпустил недоверчивый и подозрительный матрос, отправился за ним следом, чтобы опознать вора. Они беспрепятственно добрались до носа парохода, как раз в тот момент, когда он развернулся, чтобы войти в док.

– Считай, вор у нас в руках, – самоуверенно заявил офицер, – а если...

– Смотрите! – закричал Джонни Таннер и указал в сторону причала.

В этот момент над сваями появилась высокая платформа для разгрузки грузов. Она была почти на одном уровне с верхней палубой парома, его навесом из парусины. И в ту же секунду Джон Таннер увидел знакомую фигуру Гарри. Он бежал вдоль палубы, а потом прыгнул на платформу.

Несомненно, верзила скрывался в таком месте, откуда было видно и слышно, как обвиняли и допрашивали мальчика. Гарри предпочел не подвергаться подобной процедуре, поэтому забрался под навес верхней палубы, а когда паром причалил к пристани, не стал дожидаться высадки пассажиров.

На фоне неба его костлявая неуклюжая фигура была хорошо видна. Казалось, что на некоторое время она зависла в воздухе. Потом приземлилась на платформу и в то же мгновение исчезла из виду, затерявшись среди штабелей мешков и поставленных друг на друга бочек.

– Мы все равно его поймем! Береговая полиция его схватит! – заверил офицер мальчика.

Как только паром коснулся причала, он засвистел в свисток и побежал по сходням. Джонни бросился за ним.

Несколько одетых в форму полицейских отозвались на свистки и прибежали на зов, а пока Джонни мчался вперед, офицер сообщил полицейским описание вора.

- Теперь он уже сбежал, - крикнул Джонни. - Ищи ветра в поле! Мы его больше не увидим.

- Мы заставим потрудиться полицию, - возразил капитан. - Разошлем описание его внешности повсюду.

Они выбежали из тени здания пристани на яркое солнце, и тут путь им преградил паровоз, тянущий несколько пустых товарных вагонов. Локомотив выплевывал дождь искр и густые облака пара, смешанного с дымом. Он медленно набирал скорость, и мальчик пританцовывал от нетерпения, ожидая, когда состав проедет. Как ему хотелось иметь крылья, чтобы перелететь через это препятствие! И вдруг сквозь пелену нетерпения Джонни заметил в открытой боковой двери пустого вагона тень, которая показалась ему похожей на фигуру худого человека, спрятавшегося в дальнем углу.

Он видел ее только какое-то мгновение, но с каждым ударом сердца все больше уверялся в том, что это - вор Гарри.

Глава 7

Мучительные ночи

Товарняк набирал скорость у Джонни на глазах, и тогда он крикнул офицеру с парома:

- Здесь! Здесь! Он здесь! Я видел его в вагоне!

- Ладно, сынок, - отозвался тот, - похоже, поезда нам не догнать.

- Неужели мы так ничего и не предпримем? - возмутился мальчик. - Неужели будем тут стоять и дадим ему сбежать?

- А что мы можем сделать? - спросил офицер, задумчиво почесывая голову.

Джонни отчаянно огляделся в поисках помощи. Потом, сжав зубы, бросился за поездом.

Товарняк громыхал на полной скорости, но мальчик увидел, что мимо него движется вагон с широко открытой дверью, точно такой же, как тот, в котором сидел Гарри. Пол вагона был невысоко. Он подпрыгнул – подпрыгнул и нырнул, словно ожидал войти в гладкую мягкую воду. Единственное, что ему удалось, это проскочить в дверной проем. Он был еще в воздухе, когда дверной косяк сильно ударил его, развернув. Когда он падал, то здорово стукнулся головой об пол вагона. И его мозг погрузился в темноту.

Довольно продолжительное время Джонни пребывал в этой темноте.

Когда же очнулся, вагон громыхал по какому-то склону, а он, лежа в совершенно темном углу, подпрыгивал то вверх, то вниз на полу, ударяясь о боковые стенки. В ушах его стоял глум и рев, мальчик подумал, что сходит с ума.

Он вскочил на ноги, но неожиданно толчок вновь свалил его на пол.

Кое-как сев, Джонни оперся спиной о стену и приложил руку к голове. У правого виска выросла большая шишка, а вокруг нее было что-то липкое, вероятно кровь. В голове у него звенело. Правое бедро болело. И тогда он вспомнил, как взвился в воздух, как дверной косяк наскочил на него и ударил, шмякнув его со всей силы о твердый пол вагона.

Тогда дверь была открыта. Теперь ее кто-то закрыл.

Когда мальчик вспомнил все это, в голове у него немного прояснилось. Оглядевшись, он обнаружил, что сильный солнечный свет пробивается сквозь щели стен и крыши вагона.

При этом свете отыскал дверь и попробовал ее открыть. Она была заперта и не поддавалась.

Джонни снова вернулся в угол и уселся там, пытаясь осмыслить происходящее. В этом вагоне когда-то перевозили сено или, возможно, какие-нибудь товары, упакованные в солому, потому что весь пол был покрыт пучками сухой травы.

Солома да пыль, танцующая в лучах пробивающегося в щели солнца, когда вагон подпрыгивал, наполняли воздух взвешенными частицами, отчего хотелось чихать. Свет, проникающий в щели, казалось, лился, словно чистая, прозрачная вода.

Мальчик почувствовал себя пленником. Возможно, дверь закрыли ненамеренно. Просто на какой-нибудь станции обходчик торопился и не увидел человека в темном углу, когда закрывал дверь. Хотя объяснение было, прямо скажем, натянутое. Но тем не менее все его усилия пошли насмарку – вору Гарри теперь ничего не грозит.

На него навалилась слабость. Неожиданно Джонни совсем забыл о Гарри. Просто прикидывал, как долго ему придется сидеть взаперти в этой пыльной темнице. Но потом к нему вернулось прежнее мужество. И он яростно стал повторять себе, что не отступится, пока не настигнет вора Гарри и не накажет его. Пока не вернет украденный револьвер.

Он смирился со своим положением. Познав боль тяжелого труда, мальчик научился завидному терпению и теперь воспользовался им, чтобы выдержать это испытание.

Оно длилось неправдоподобно долго.

Джонни говорил себе, что, когда поезд остановится и грохот по шпалам смолкнет, он станет кричать и стучать в дверь, чтобы привлечь чье-нибудь внимание, а пока надо ждать. Но прошло немало часов, прежде чем поезд остановился.

Тогда мальчик подошел поближе к двери и стал кричать, стучать. Ему было слышно, как снаружи мимо проходили люди, смеялись, разговаривали. Чей-то громкий смех раздался совсем близко.

И вдруг мальчик понял, что тот, кто был снаружи, смеется над его попытками освободиться.

Джонни прекратил кричать и стучать в дверь, вернулся в угол, уселся на пол и принялся обдумывать создавшуюся ситуацию. Был уже вечер, и воздух стал прохладным. Ему хотелось есть, а кроме того, его мучила жажда. Но когда поезд

снова тронулся, движение принесло некоторое облегчение. Во всяком случае, унылые мысли выскочили из головы.

С наступлением темноты мальчик понял, что поезд взбирается в горы. Стало еще холоднее. Холод вцеплялся в него ледяными когтями, и ему пришлось бегать взад-вперед по вагону до изнеможения, похлопывая себя, чтобы согреться.

Находиться в непрерывном движении Джонни пришлось много часов. Когда у него иссякали последние силы и он опускался на пол, чтобы отдохнуть, холод пронизывал его до костей, поэтому ничего не оставалось, как возобновлять физические упражнения. Страх смерти ударил его, как дубинка по голове.

Наконец поезд снова остановился, и на этот раз, как он вычислил по многочисленным звукам, в большом городе. Поэтому мальчик снова подошел к двери и принялся громко кричать и шуметь.

Но вокруг было слишком шумно. То тут, то там слышались гудки, свистки и рев выпускаемого пара. Постоянно присутствовал стук нагруженных повозок по мостовой. Он был уверен, что его никто не слышит. Однако снаружи кто-то хитро постучал в дверь вагона, и тогда Джонни закричал:

– Я здесь! Меня заперли!

– Будешь сидеть под замком, пока не сгниешь! – с издевкой ответил чей-то голос снаружи. – Останешься здесь, пока концы не отдашь. Я научу вас, грязных оборванцев, как ездить на поездах по этой линии! Жаль, что я не поймал дюжину таких, как ты, и не запер в этом вагоне. Тогда свез бы вас к речке и перетопил бы всех, как котят!

Голос удалился, ругательства смолкли. Впервые юный Джонни Таннер понял, что ему подписан смертный приговор.

Некоторое время он не мог больше ни думать, ни надеяться. От страха и отчаяния он словно превратился в глыбу льда. Но потом снова воспрянул духом. Когда с многочисленными толчками и остановками поезд тронулся дальше, он решил: не важно, что его горло горит от жажды, а тело ослабевает от голода, мужчина должен пройти с честью все испытания. Нужно только иметь терпение.

А терпению, как было сказано раньше, Джонни давно научился.

Это была жуткая ночь. Временами холод становился таким сильным, что несколько раз мальчик падал в изнеможении, думая, не лучше ли прекратить всякое сопротивление.

Но у него была сила воли взрослого мужчины, и он вновь и вновь заставлял себя бороться за жизнь. Стиснув зубы до боли, продолжал противостоят смерти. А потом сквозь щели вагона вдруг увидел красный отблеск зари.

Было все еще очень холодно, но усталость взяла над ним верх, и Джонни сдался. Он был так сильно утомлен, что не успел лечь, как тут же заснул. Сначала ему казалось, что он куда-то падает, а потом просто отключился. Когда же проснулся, воздух уже стал почти накаленным.

Он никогда не узнает, как близко был от смерти в ту ночь, ему приснилось, что он замер насмерть, но был воскрешен сверхъестественными силами.

За этот день поезд останавливался трижды. И трижды мальчик пытался шумом привлечь к себе внимание, но потерпел неудачу.

Между тем у него созрел план спасения. В кармане у Джонни лежал очень неплохой нож с двумя лезвиями – одним большим, а другим предназначенным для более тонкой работы. Это был подарок отца. Мальчик решил попробовать вырезать ножом ближайшую доску справа от двери.

Доски были довольно широкие, и если ему удастся перепилить одну, то он спокойно сможет вылезти наружу. На высоте пяти футов от пола он провел по дереву две царапины.

Это была непростая работа. Вагон трясло, нож соскальзывал с доски. Дерево оказалось ужасно твердым, с крепкими волокнами, по структуре не уступающее твердости гранита. Острый кончик стального лезвия быстро отломился. Ему пришлось использовать всю длину ножа, но даже и это становилось с каждым разом все труднее.

Тут Джонни понял, что щель, которую он наметил вырезать, слишком узка. Он недооценил толщину доски, и ему пришлось начать все сначала, сделав щель пошире.

Его руки были привычны к упражнениям с топором и томагавком, но все равно на них появились мозоли. Теперь ему приходилось делать над собой усилие каждый раз, когда он погружал в доску острое лезвие ножа.

Более того, к этому времени его ужасно стала мучить жажда. Однако мальчик понял: если он прекратит работу от усталости, то тут же впадет в отчаяние.

Мало-помалу щель расширялась. К вечеру с одного конца можно уже было просунуть лезвие ножа насквозь. Джонни трудился, отчаянно надеясь закончить работу до наступления полной темноты. Но ему это не удалось.

Наконец он больше ничего не мог разглядеть – наступила еще одна мучительная ночь.

Она была хуже предыдущей. У него кружилась голова от обезвоживания. Да к тому же он ослаб от голода. Подобное испытание оказалось бы тяжелым и для взрослого, а Джонни Таннер был еще совсем ребенком.

Ему не исполнилось и пятнадцати лет. Однако он не поддался панике.

Те, кому приходилось подвергаться небольшим лишениям, готовы перенести и большие трудности. Джонни вспоминал, что человек может выдержать без воды трое суток и только потом умрет. А это означало, что у него в запасе еще целые сутки, если, конечно, предстоящая ночь его не убьет.

К счастью, она была гораздо теплее. Он даже проспал целый час кряду, пока его не разбудили жуткие кошмары. Ему было очень трудно глотать – в глотку словно налили кипящей смолы.

А когда наступил рассвет, Джонни снова вложил нож в саднящую руку. Боль была такой сильной, что он стиснул зубы, когда сжал пальцы вокруг рукоятки. Тем временем поезд остановился, снаружи слышались голоса, а в следующее мгновение дверь его вагона отперли и широко распахнули.

Глава 8

Добрые люди

Жизнь вернулась, смерть отступила. Мальчик изумленно смотрел на холодный розовый рассвет за большой коричневой от глины рекой, текущей медленно и мощно. На противоположном берегу стояли высокие деревья. Утренние лучи солнца пробивались сквозь листву.

Да, он снова живой!

Человек, открывший дверь, шел вдоль пустых товарных вагонов и насвистывал. Юный Джонни Таннер выпрыгнул на железнодорожную насыпь. Недоуменно осмотревшись, понял, что оказался на пересечении железнодорожных путей. За ними простирался длинный товарный склад, а над его низкой крышей возвышались более высокие остроконечные крыши домов небольшого города. Позади них просматривались холмы, а за ними – зазубренные пики гор.

Хотя было довольно рано, на товарной станции уже работало несколько человек. Когда мальчик прошел мимо них, они не обратили на него ни малейшего внимания. Неподалеку от них стояло ведро с водой, а рядом с ним лежал ковш. Мальчику эти вещи показались самыми прекрасными сокровищами в мире. Даже если бы жестяное ведро было заполнено доверху одним огромным бриллиантом, оно не могло бы представлять для него большей ценности. Он наполнил ковшик и стал пить медленными, неспешными глотками, впитывая вместе с водой жизненные силы и надежду.

Джонни мог бы выпить целое ведро, но ограничился одним ковшом, потому что где-то слышал, что после длительного поста следует проявлять умеренность и в еде и в питье.

Напившись, он, полный новых надежд, стиснул зубы и осмотрелся.

У него не было ни цента. На нем – смешной маскарад, костюм для игры в индейцев. При нем – только нож с затупившимся лезвием. Но он не стыдился

своего вида. Ведь это была не единственная его проблема. Как теперь ему вернуться домой? Судя по всему, его занесло на край света.

Мальчик спустился к реке, скользя по грязному берегу, и помылся. Когда смыл пот, пыль и засохшую кровь с лица, то почувствовал себя лучше, хотя от соприкосновения с холодной водой шишка на лбу заныла. А когда над восточными холмами появился нимб из червонного золота, поднялся и направился в город.

Было еще совсем рано, однако на улицах оказалось полно народу. Шагая по аллее, Джонни увидел человека, который удивил его гораздо больше, чем размалеванные индейцы на улицах Нью-Йорка. Это был высокий мужчина, с головы до пят одетый в оленью кожу. Но какую кожу!

Штаны и обтягивающая куртка были сплошь расшиты блестящими бусинками и крашеными перьями. На мокасынах огнем сверкали точно такие же украшения. На голове у мужчины была меховая шапка, а на плече висело длинноствольное ружье. Но самое странное заключалось в том, что на человека, который в столь удивительном наряде шел по улице, никто не пялился и не оглядывался.

«Я приехал на Запад! – догадался мальчик. – Я оказался на Диком Западе!»

Он вдруг развернулся на восток, туда, где высились зазубренные пики гор. Неудивительно, что ночи, проведенные в товарном вагоне, были такими холодными. Эти горы отделяли его от отца, они лежали между ним и его родным домом!

У Джонни упало сердце. Но в следующую минуту его ноздрей коснулся запах свежее испеченного хлеба, который прогнал из головы все другие мысли. Двери небольшой харчевни на углу только что открылись, однако еда там была уже приготовлена, поэтому ее запах распространялся по улице. Не раздумывая, мальчик вошел вовнутрь.

И тут же увидел небольшую стойку, заставленную горами домашних пирожков, большими румяными буханками хлеба, бубликами и пончиками, а также подносами, буквально заваленными нарезанными кусками пирогов с разнообразной начинкой.

Джонни Таннеру показалось, будто он узрел разом все земные и небесные сокровища. Одно обстоятельство смущало его – за стойкой стоял мужчина, ростом и худобой напоминающий вора Гарри. У него был орлиный нос и выдающийся вперед, словно выкованный из стали, подбородок. Он пристально смотрел на мальчика светлыми подозрительными глазами. Джонни подошел к нему поближе, достал из кармана нож и положил его на стойку.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался он. – Вы не могли бы дать мне еды взамен этого?

Хозяин харчевни не проронил ни слова. Посмотрел на нож, поднял его и открыл. Попробовал большим пальцем обломанное острие и затупленное лезвие, затем взвесил нож на ладони, словно его ценность заключалась в весе.

В следующий момент, резко вытянув руку, он схватил Джонни за запястье и сжал его, словно тисками. Но мальчик слишком слаб, чтобы сопротивляться, поэтому покорно позволил перевернуть свою ладонку вверх.

Мужчина пристально взгляделся в его мозоли и волдыри между пальцами, после чего отпустил руку Джонни, которая повисла бессильной плетью. Задумчиво потерев подбородок, хозяин наконец улыбнулся, но, как показалось мальчику, с издевкой. Положив нож на стойку, он подтолкнул его к владельцу, повернулся спиной и отошел к теплой плите, размещавшейся за прилавком.

Джонни Таннер взял нож и сунул его в карман. В нищенской жизни, которую он вел, ему уже доводилось встречаться с грубостью, однако с таким презрением еще никто никогда не отказывал. Он давился от обиды.

Она уже была готова вырваться из его сдавленного горла, когда длинная сгорбленная спина хозяина харчевни распрямилась, и он развернулся к мальчику с большой миской каши и кувшином молока в руках. Поставив их на прилавок, подтолкнул к Джонни.

– Пойдите, – пролепетал тот, с трудом обретая дыхание. – Неужели это все для меня, сэр?

Мужчина только пожал плечами, взял ложку сахарного песка и посыпал им кашу.

Джонни больше не мог терпеть. Все его внутренности сжала судорога. Из рта потекли слюнки. Нетерпение почти ослепило его. Схватив миску, ложку и кувшин с молоком, он уселся за ближайший стол и стал есть так, как никогда не ел прежде. Каша была из пшена крупного помола, а на поверхности кувшина с молоком плавал толстый слой сливок. Для мальчика это был дар богов с Олимпа, но, проглотив несколько первых ложек, он стал себя контролировать. Как много и как быстро следует есть тому, кто слишком долго голодал?

Он вопросительно поднял глаза на мужчину за стойкой, но тот ответил ему таким хмурым и злобным взглядом, что Джонни не осмелился и слова сказать. Поэтому спокойно и методично добрался до дна миски и опустошил кувшин до последней капли. Потом минутку посидел в оцепенении с полузакрытыми глазами, словно объевшаяся змея, заглотившая за один раз недельный запас провизии. Наконец встал и отнес миску к стойке.

– Мне бы хотелось заплатить вам, но у меня ничего нет, кроме ножа, – сказал он.

Хозяин харчевни, не взглянув на него, молча смел грязную посуду со стойки и промолчал. А поскольку к нему уже устремился поток посетителей, требующих, чтобы их накормили, Джонни вышел на улицу.

Где это он читал, что гостеприимство на Диком Западе не добродетель? Гостеприимство там в порядке вещей.

Но все равно юный Джонни был тронут. Поросшие лесом горы больше не казались ему такими сокрушающе дикими и странными. Проявление доброты сделало его сильным перед лицом природы.

Он не мог заплатить деньгами, но с тупым упрямством решил, что хозяин харчевни не должен считать его обычным попрошайкой. Поэтому зашел за здание харчевни и нашел то, чем мог бы его отблагодарить, – штабель бревен и козлы с кучкой опилок под ними. Верхний слой опилок был совсем свежий и желтый, а нижние слежались под дождем и стали почти коричневыми.

Итак, само провидение послало ему знак. Он взял одно бревно, оттащил его к козлам и водрузил на перекладину. Затем отыскал пилу. У нее были огромные неровные зубья, она оказалась двуручной, предназначенной для двоих сильных

мужчин, и мало подходила для одного мальчика. Рядом валялся глиняный кувшин с отбитым горлом, в котором находился свиной жир, который соскребли с кожуры окорока для смазки боковой поверхности пилы.

Джонни посмотрел на руки. Волдыри полопались и очень саднили. И все-таки, обернув одну ручку пилы носовым платком, он схватился за нее, приступил к работе.

Стертые ладони, в конце концов, не так уж сильно болели. Но когда он в первый раз потянул пилу, то понял, что все его мучения еще впереди, – полотно ее было слишком тяжелым, а зубья слишком глубокими.

Однако с переменным успехом мальчик приспособился и к этому.

Главное было найти удобное положение. Полотно пилы следовало тащить осторожно, чтобы оно не дрожало, не шаталось из стороны в сторону и не вылезало из щели, которую зубья уже выдолбили в бревне.

Помочь в этом деле могли только смекалка, твердая рука и натренированный глаз. И Джонни воспользовался всем этим. Ведь он не в первый раз держал в руках пилу, хотя конечно же не такую огромную. Ему казалось, что он попал в страну великанов, где сам уменьшился в размерах и становился все меньше и меньше, пока наконец не приноровился довольно умело справляться с огромным инструментом.

Мальчик взял себя в руки, собрался, нашел наиболее удобное положение, и движения его стали точными, ритмическими. Он неотрывно смотрел вдоль полотна пилы, словно вдоль дула пистолета. Вот тогда отпиленные куски стали отлетать от бревна с завидной регулярностью и скоростью.

Между тем солнце палило все жарче. Около полудня его колени начали подкашиваться от усталости. Тогда он распластался на спине в тени дерева, раскинув руки в стороны, и так лежал в течение получаса. Потом поднялся, снова приступил к работе и пилил до тех пор, пока не хлопнула черная дверь харчевни. Джонни оглянулся и увидел женщину, которая смотрела на него с нескрываемым любопытством.

Глава 9

Еда и ночлег

Она была высокая, в платье из набивного ситца, когда-то синем, а теперь выцветшем почти до белого цвета, изначальный рисунок ткани был еле виден местами. Она стояла, уперев руки в бока, в позе судьи, судьи жестокого, с лицом хмурым и угрюмым. Ее неприветливое выражение навело мальчика на мысль, что эта женщина как-то связана с угрюмым мужчиной за стойкой в харчевне.

– Кто велел тебе пилить дрова? – требовательно спросила она.

– Я подумал, что их не мешало бы распилить, – ответил мальчик и, оглядев довольно большую гору распиленных бревен, еле заметно улыбнулся, гордясь собой.

– Теперь их вряд ли можно будет использовать для строительства, – ядовито заметила женщина.

– Мать Божья! – воскликнул мальчик. – Вы хотите сказать, что они предназначались не для печки, а для строительства?

– Разве ты не видишь, какие ровные бревна?

– Да, д-да-а-а. – Джонни Таннер стал заикаться. – Теперь, когда вы об этом сказали, я вижу, что они действительно очень ровные.

– И все почти одинаковой длины?

– Да. – Сердце его затрепетало, он был готов провалиться сквозь землю. – Догадываюсь, я вам здорово навредил. Я сделал глупость...

– Еще какую! – согласилась женщина. – Натворил бы ты бед, если бы бревна и в самом деле предназначались для стройки. Но это не так. Они пойдут в печь. И все-таки ты мог бы сначала спросить.

- Вы хотите сказать, что эти бревна предназначены на дрова? – уточнил Джонни.

- Ага. Ты сэкономил отцу полдня работы. Вот что ты сделал. Подойди-ка ко мне.

Он подошел.

- Покажи руки, – скомандовала она.

Мальчик повиновался.

- Что такое ты делал? – удивилась женщина. – Эти волдыри от пилы?

- Нет, только частично.

- Пойди вымой руки и возвращайся ко мне.

Он вымыл руки, накачав ледяной воды из колодца. Ладони перестали саднить, а когда обмыл водой горящие огнем запястья, то чуть было не застонал от облегчения. Потом подошел к высокой женщине, ждущей его у черного хода в дом. Его все еще одолевали сомнения, но он чувствовал, что она не такая грубая, как кажется.

Женщина помахала ему рукой, позвав за собой, и он вошел в кухню, где находилась огромная плита, заставленная горой кастрюль, котелков и сковородок.

- И за сколько завтраков ты менял свой ножик? – спросила женщина.

- Мэм? – не понял мальчик, глянув на нее честно, но с любопытством.

Он так устал, что природная смекалка подвела его. Икры ног сводило судорогой, на плечи всей тяжестью навалился вес его тела.

Женщина ответила на его взгляд хмурым прищуром.

- Ничего. Может быть, и нет... Ну давай сюда твои руки.

И налила на его ладони какую-то жидкость. Руки мальчика обожгло словно огнем. Боль почему-то ударила в голову, но Джонни сцепил зубы и вытерпел. Даже слегка улыбнулся.

Женщина тем временем смотрела на него с торжествующей издевкой, которая постепенно сменилась на удовлетворенные кивки и удивление.

– Усаживайся. Ты знаешь, что уже полдень? Разве в тех местах, откуда ты, работают целый день, не прерываясь, чтобы поесть?

Он скромно уселся в уголке. Вкусный запах пищи висел в воздухе. Ему казалось, что завтрак он съел очень давно. Даже мог бы поклясться, что вот уже несколько дней у него и крошки во рту не было. Женщина поставила перед ним небольшой столик и заставила его восхитительной едой. Ее хватило бы для двоих мужчин, но апофеозом всего был огромный бифштекс, в меру прожаренный.

Мальчик съел его с невиданным доселе удовольствием.

– Ты что, ничего подобного не пробовал? – поинтересовалась женщина, когда он был на пике пищеварительного процесса.

– Нет, никогда.

– Это оленина, – объяснила она. – Я понимаю, ты из тех презренных краев, где не знают вкуса оленины. Вот тебе еще кусок. Не мешкай! Ты смог бы съесть целого оленя, если бы он в тебя поместился.

Наконец Джонни больше не мог проглотить ничего. Даже замешкался на минуту перед третьей чашкой кофе. Потом решительно встал, помогая себе руками подняться, и заявил:

– Я пойду опять пилить дрова.

– Никуда ты не пойдешь, – категорично возразила женщина. – И пилить дрова не будешь. Ну-ка встань передо мной. Ага! Все ясно. Смотри, как тебя шатает. Пошли со мной!

Она взяла его за плечо. У него не было ни сил, ни желания противиться. Женщина буквально потащила его в соседнюю комнату. Мебели там было очень много, но небольшая белоснежная постель показалась мальчику облачком в солнечном августовском небе.

– Ложись поспи, – велела женщина и подтолкнула его к кровати с такой силой, что он на нее свалился.

Джонни тут же перевернулся на спину, улегся, широко раскинув руки, и ни разу не пошевелился, пока сон словно ударом дубинки не лишил его сознания.

Проснулся он, как от толчка, когда розоватый косой луч солнца упал ему на лицо. На мгновение в голове у него все перепуталось. Мальчик смутно понял, что день клонится к вечеру, забеспокоился, как бы тетушка Мэгги не рассердилась на него за сон среди бела дня, и вдруг с ужасом вспомнил все, что отделяло его от Нью-Йорка, – украденный револьвер, вора Гарри, долгое заключение в пустом вагоне товарняка, муки голода и жажды.

Но теперь он сыт и хорошо отдохнул. Сила и приспособляемость юности стерли все следы испытаний. Джонни вышел из комнаты бодрым и повеселевшим.

Женщина стояла у раковины и мыла огромную гору кастрюль.

– Можно мне вам помочь, мэм? – предложил мальчик.

– С такими-то руками да в мыльную воду? Думаю, тебе надо их поберечь некоторое время, пригодятся еще. Лучше пойдешь погуляй по городу. Я рада, что ты перестал храпеть. Уж боялась, что крыша слетит от твоего храпа. Пойди прогуляйся, а потом возвращайся сюда к ужину, если тебе больше некуда податься.

Он вышел на улицу. Солнце еще не село, но наступило время, когда мужчины бросают работу и отдыхают часок перед ужином. Это было хорошее время – все труды дня уже позади. В таком настроении пребывал весь город, и Джонни Таннер вдруг вспомнил, когда шел по улице, что не знает ни названия этого города, ни даже штата, в котором он находится.

Некоторое время эта мысль не давала ему покоя, но он шел стремительной походкой, поскольку чувствовал, что с судьбой не поспоришь. Ведь вот как все случилось: погнался за вором, преследуя его, переплыл на пароме реку, потом сел в поезд и оказался за тысячу миль от родного дома.

Вскоре Джонни вышел к речной пристани, где стояли два парохода. Один еще нагружали, а на другом был уже полный комплект груза и пассажиров. Пассажиры толпились на палубе, а друзья на берегу махали им и что-то кричали, вокруг царил атмосфера радости и веселья. Из разговоров в толпе он понял, что пароход направляется дальше на Запад.

- Скажите, пожалуйста, - обратился мальчик к мужчине, стоящему рядом, - как далеко на Запад идет этот пароход?

- Вниз по Огайо до Сент-Луиса, - ответил тот.

Услышав это, Джонни от изумления разинул рот. Так, значит, это - река Огайо?

Огайо... Сент-Луис... Его словно громом поразили эти названия. Показалось, что от дома и от отца отделяет не только огромное расстояние, но и нечто иное, непреодолимое.

Пароход стал отходить от причала, бумажные ленты серпантина, которые связывали пассажиров с берегом, начали рваться. Снова раздались крики, взрывы смеха, теперь уже громче, чем прежде.

Мальчик как замороженный наблюдал за отплытием, но тут ему на глаза попала какая-то худая фигура, сматывающая толстый причальный канат на палубе. Согнутая костлявая спина показалась ему знакомой, а когда мужчина разогнулся и отвернулся от каната, Джонни Таннер увидел вора Гарри!

Глава 10

Новые рассказы о неосвоенных землях

Он довольно долго переваривал это чудо, пока не нашел ему приемлемое объяснение. Вероятно, Гарри приехал сюда в том же самом товарняке, что и Джонни. Остался там, потому что поезд шел туда, куда ему хотелось попасть, – на Запад! Ведь эти места, по всей видимости, ему были хорошо знакомы. А куда еще ему ехать, если не сюда? Здесь он нашел работу на пароходе, который теперь плывет вниз по реке.

Неожиданность встречи на некоторое время ошеломила мальчика. Судьба, о которой он недавно размышлял, бросила ему вызов. В этом не было никаких сомнений. И тут он увидел, что пароход отчаливает. Из двух одинаковых как две капли воды труб энергично вырывались облака черного дыма, клубились и разбухали в пронизанном солнцем воздухе. Огромные боковые колеса стали взбивать воду до белой пены, а плоское дно судна заскользило по реке.

Тогда Джонни Таннер вышел из транса и отчаянно рванулся вперед.

– Остановите пароход! – завопил он. – Остановите пароход!

Его голос утонул в реве толпы, выкрикивающей слова прощания отъезжающим друзьям. Проталкиваясь вперед, он наступил на что-то мягкое и услышал вздох боли прямо около уха. В следующий миг его схватили сильные руки.

– Смотри, куда идешь, сынок! – проворчал кто-то рядом.

Мальчик поднял глаза, и перед ним возникла фигура, которую он уже видел утром на улице, – мужчина с ружьем и в меховой шапке, с коротко подстриженной бородкой и длинными, развевающимися на ветру волосами, одетый с головы до ног в кожу.

– Когда пытаешься остановить пароход, неплохо бы посмотреть, куда ставишь ноги, – заметил охотник, на чей мокасин наступил Джонни.

– Там на борту вор! На борту вор, который украл у моего отца...

– Пароход не остановить никакими силами, – пояснил охотник. – Ты же не можешь накинуть на него лассо и удержать. Не можешь идти за ним по следу, не можешь догнать его на коне. Это самое быстроходное судно здесь, на реке.

Скажу одно: ты не сумеешь поймать вора, пока пароход не остановится в Сент-Луисе. Ты собираешься отправиться за ним в такую даль?

– Я отправлюсь за ним хоть на край света! – закричал Джонни, потеряв голову.

Железная хватка руки, державшей его за плечо, чуть ослабла. И хотя мальчик был на грани отчаяния, он заметил, что охотник улыбается.

– И откуда ты за ним гонишься? – любопытно спросил он.

– Из Нью-Йорка, – рассеянно отозвался Джонни, печально наблюдая за все увеличивающимся расстоянием между берегом и пароходом.

– Из Нью-Йорка, говоришь? – переспросил охотник спокойно.

Толпа вокруг них постепенно рассасывалась. И вот они уже остались одни. Джонни Таннер печально провожал глазами уплывающий пароход. Потом увидел, как благодаря совместным усилиям течения реки и вращения мощных колес он исчез из виду за поросшим деревьями поворотом.

– Неужели ты гнался за ним из Нью-Йорка? – снова задал вопрос незнакомец.

Мальчик ничего не ответил. Только вздохнул.

– И ты в такой одежде расхаживал по Нью-Йорку? – продолжал расспросы охотник.

– Я играл в индейцев, – сознался Джонни, – а этот мерзавец пришел и украл... – И опять замолчал, покраснев до корней волос. Неожиданно ему стало стыдно, что он такой большой парень, почти мужчина, занимался такой детской забавой – играл в индейцев! И вдруг понял, что его история слишком неправдоподобна. Ему никто не поверит.

– Понятно, – холодно отреагировал его собеседник. – Если все так и было, то считай, ты мне все рассказал. Мой отец любил поговорку: одна ложь влечет за собой другую. Не то чтобы ты мне наврал, но...

Джонни развернулся, вобрал в себя воздуха и посмотрел охотнику прямо в лицо.

– Послушайте, вы не имеете права называть меня лжецом!

Он испугался. Но строгая, терпеливая тетушка Мэгги учила его, что трудностям и неприятностям нужно решительно противостоять.

– Беру свои слова обратно, – широко улыбнулся охотник. Его усы и борода зловеще топорщились, но веселые искорки в синих глазах сглаживали первое неприятное впечатление.

Джонни с облегчением вздохнул, когда увидел, что атмосфера разрядилась.

– Ну тогда, – проговорил он, – все в порядке. Прошу прощения, что наступил вам на ногу.

– Ты же так торопился, – отозвался мужчина в коже. – И думаю, ты еще слишком юн, чтобы знать, что торопиться нужно медленно. Лично я-то забуду об этом быстрее, чем моя нога. Видишь ли, эта моя нога ведет себя как захочет с тех пор, как в нее вонзилась стрела.

– Да ну? – воскликнул мальчик. – Настоящая стрела? – Он посмотрел на незнакомца с нескрываемым любопытством. Еще бы! Ведь этот человек пострадал в схватке с индейцами! – Настоящая индейская стрела?

– Боевая стрела проклятых оседжей с зубринами, – пояснил мужчина в коже. – Конечно, это была индейская стрела, ведь оседжи – индейцы. И я считаю, что они самые что ни на есть индейцы из всех остальных индейских племен.

У Джонни перехватило дыхание.

– Мне очень хотелось бы узнать, как это случилось. Догадываюсь, у вас с ними была ужасная схватка? – Он посмотрел в умные глаза собеседника, затем оглядел его широкие плечи, гибкое, сильное жилистое тело и повторил: – Могу поспорить, это была потрясающая схватка!

– Никакой схватки не было, – возразил охотник. – Только соревнования по бегу. Я бежал первым, а за мной бежали оседжи.

– О! – изумился мальчик и ограничился одним восклицанием, чтобы его голос не выдал разочарования.

Однако мужчину было не так-то легко провести.

– Я всегда удираю от индейцев, – уточнил он.

– Ну да, если их целая толпа, что еще остается? – признал Джонни.

– Совсем не обязательно. Я убегаю от любого, даже самого старого краснокожего, который попадается мне в прерии, даже если он один и просто отдыхает, – пояснил охотник. – У меня такой принцип.

Сердце мальчика переполнилось жалостью, презрением и отвращением. Он с трудом заставил себя посмотреть в глаза этому человеку, из опасения, что его пренебрежение будет слишком явным.

– Нет, – сказал Джонни, – не думаю, что вы всегда так поступаете. Но почему эти оседжи гнались за вами? Просто из вредности?

– Потому, что я хотел украсть у них лошадей, – успокоил мальчика охотник.

– Украсть лошадей? Украсть? – закричал Джонни с отвращением в голосе.

– Да, – продолжал его собеседник так, словно ничего не заметил. – Здесь – это одно из самых доходных занятий, конечно, если повезет. А у оседжей был конь, который мне был позарез нужен – угольно-черный сын Сатаны. Вот я и решил, как будет здорово, когда конь помчится во весь опор, а ветер будет хлестать мне в лицо. Поэтому пошел и раздобыл этого коня.

Мальчику сказанное показалось очень бесчестным поступком. Но несмотря на это, он слушал как зачарованный.

– Это было ночью?

– Вовсе нет, среди бела дня, и заметь, очень ясного дня. И все происходило на равнине рядом с индейским лагерем. Я набросил лассо на шею этой черной молнии. А мальчишка, который его пас, издал душераздирающий вопль и бросился на меня с луком и стрелами, но я спугнул его выстрелом из ружья. А потом положил коню на спину мое седло. А к тому времени, когда подтянул подпругу, ко мне с воплями бежало уже целое племя. Небо мне показалось с овчинку, а сердце ушло в пятки. Я вскочил в седло, а этот черный конь начал брыкаться, стараясь сбросить меня на землю. Ему, видишь ли, не понравился мой запах. Он был ему чужим. А возможно, я как-то не так сжал его бока коленями. В общем, не важно почему, но только он начал брыкаться и чуть было не сбросил меня из седла. А индейцы с каждой секундой приближались!

– Матерь Божья! – выдохнул мальчик.

Его собеседник не поверил своим ушам.

– Что ты сказал? – требовательно спросил он.

– Я сказал: «Матерь Божья». Полагаю, это было ужасно увлекательно?

– Ты сказал «Матерь Божья», верно? – эхом повторил охотник. Потом, словно постепенно вспоминая, о чем шла речь, продолжал: – Ничего увлекательного в этом не было. Это было просто отвратительно. Я видел кривоногую жердь – вождя Красное Перо, который стремглав бежал во главе своего племени. Именно Красное Перо был хозяином этого черного скакуна, понимаешь? Ну, я почувствовал, что дело плохо, но именно в этот момент мой черненький, похоже, набрыкался всласть и бросился вскачь. Мне повезло, что он помчался прочь от индейского поселения, вместо того чтобы направиться напрямиком в логово краснокожих. Ведь управлять им я не мог. У него рот был словно кусок стального ружейного дула. Повернуть такого коня просто невозможно. Чтобы уздечка чуть-чуть сдвинула вбок уголок его губ, потребовалось бы усилие настоящего гиганта. Поверь мне.

– Тогда вам ужасно повезло! – заметил мальчик.

– Согласен. Конь помчался вперед, через полминуты мы оставили все племя позади, словно хвост кометы, и все продолжали удаляться. Я никогда не видел,

чтобы конь двигался с такой скоростью! В лицо хлестал сильный ветер. Я наклонил голову, возблагодарил мою звезду и уже принялся подсчитывать деньги, которые получу за эту черную стремительную молнию, которую нельзя сравнить ни с одним конем в прерии, как вдруг мой черненький развернулся и во весь опор поскакал назад.

– Прямо к преследовавшим вас индейцам? – выкрикнул Джонни, встав на цыпочки и напрягшись от волнения.

– Нет, но напрямиком в индейское поселение. Он скакал в логовище краснокожих, а я висел всем телом на его уздечке то справа, то слева. Но он и ухом не повел. Чертовски трудно было управлять этим подлецом. Ну, сынок, я уже представил себе, как оседжи будут поджаривать меня на костре, когда их скво наразвлекаются, всадив в меня все стрелы, а детишки наиграются, загоняя мне под ногти щепки и поджигая их. Я представил эту картину во всех подробностях и даже почувствовал запах поджаренного мяса, который будет исходить от меня, словно от плохого поросенка. И тут мы въехали в поселение.

Охотник замолчал. Джонни стоял затаив дыхание, глаза его блестели, как звезды. Однако рассказчик намеренно долго откусывал от плитки угол жевательного табака. Набрал полный рот, он, естественно, не мог говорить, пока не передвинул кусок жвачки за щеку, не выплюнул приставшие к ней соломинки и прожилки табачных листьев. Наконец, неспешно жуя, продолжил рассказ, делая перерывы между словами:

– Мы... въехали... в это поселение... так быстро... что чуть было... не смели его... Как песчаная буря... Это было забавно... Конь скакал с такой скоростью... Вот что я тебе скажу: я видел, как краснокожие открывали рты, чтобы издать боевой клич, но звук так и не достигал моих ушей. Я так ничего и не услышал, только ветер хлестал мне в уши. Посмотри и увидишь, что по краям с них содрана кожа. Это сделал ветер в тот день. Мы в три прыжка проскочили поселение. А когда я уже доскакал до середины голубого холма за вигвамами, один мерзкий старикашка натянул тетиву, выпустил зазубренную стрелу и попал мне в ногу.

– Так вам удалось от них сбежать? – взволнованно спросил мальчик.

– Разве я похож на привидение? – ответил вопросом на вопрос охотник. – Хотя, конечно, если бы оседжи меня захватили, то от меня и привидения не осталось

бы. Но им не удалось этого сделать. И вот я стою здесь, на берегу Огайо, и рассказываю басни мальчику, который специально приехал сюда из Нью-Йорка, чтобы послушать сказки этой части света.

- А конь? - спросил Джонни Таннер. - Что стало с этим удивительным конем?

- Вот из-за коня-то я и возвращаюсь назад. Именно конь тянет меня назад. Через полчаса я отправляюсь в путь.

Глава 11

Прощание

Джонни вздохнул. Рассказ так взволновал его, что нервная дрожь ощущалась в кончиках пальцев.

- Да, - произнес он, - вы были на волосок от смерти.

- Это так, - согласился охотник, - она была от меня достаточно близко. Когда все это произошло, я был, можно сказать, еще мальчишкой, едва ли чуть старше тебя. Эта история, сынок, произошла пару лет назад, а посмотри, что со мной стало! Я бы не возражал, да только мне противно, что у меня выросла борода, словно защитная лесополоса, да вдобавок поседела по краям. Но я смотрю на это дело так, будто я был немного неосторожен с жевательным табаком.

Мальчик от изумления вытаращил глаза. Потом вдруг рассмеялся, и его простосердечный смех, рассыпанный горохом, зазвенел над речной водой. Он никак не мог остановиться. Наконец, посмотрев сверкающими глазами на охотника, проговорил:

- Могу поспорить, вы вовсе не убегаете, когда видите индейцев.

- Не ставь свои деньги на человека, с которым раньше никогда не встречался, - посоветовал охотник мальчику.

– Меня зовут Джонни Таннер, сэр, – представился тот и робко протянул руку.

Она тут же попала в крепкую загорелую ладонь.

– Мое имя – Хэнк Рейни, – сказал мужчина в коже. – Рад познакомиться с тобой, Джонни Таннер, сэр. Ты всегда откликаешься на все эти три имени?

– Да ведь у меня только имя и фамилия, а... – начал было объяснять Джонни, но тут понял суть шутки и снова рассмеялся, на этот раз еще веселее.

Его собеседник не засмеялся за компанию, но его глаза засверкали.

– Сэры не слишком распространены в этих местах, – сказал Хэнк Рейни. – Они пришли сюда из Англии и осели у побережья, главным образом в Вирджинии. Но когда народ двинулся на Запад, сэры в этом не особенно преуспели. Похоже, им не слишком нравится горный воздух. Да и горному воздуху они тоже пришлось не по нраву. Многие сэры вообще носа не показывали из Вирджинии, а занялись выращиванием роскошных бакенбардов и пополнением запасов бурбона. А те сэры, которые все-таки перебрались через горы и вышли в долину, тут же захворали. Не знаю, почему это случилось. Но догадываюсь. Сэры привыкли к морю. Возможно, им был просто необходим морской соленый воздух, как ветчине коптильня. Однако если хорошенько подумать, то мне помнится, что на Диком Западе я встречал не более полудюжины представителей этого замечательного рода сэров. Но даже и эти немногочисленные члены семейства чувствовали себя в горной местности неважно. Им там было тошно.

Во время этого пространного объяснения Джонни Таннер хихикал и давился смехом.

– Хорошо, мистер Рейни, – сказал он. – Я не буду называть вас сэром. Но так обращаться к старшим меня учила моя тетушка.

– Ну не настолько уж я старше, – заявил тот. – Вот только та гонка, о которой я тебе рассказал, прибавила мне несколько лишних лет, да и на лице у меня выросла эта густая растительность. Но ты мне так и не рассказал, как ты собираешься догнать того вора, за которым мчишься аж от самого Нью-Йорка. Собираешься нанять пароход без груза и быстро спуститься вниз по реке, осматривая по пути глинистые берега?

- Нет, - ответил мальчик. - Если только вы не сумеете нанять пароход вот за это. - И протянул на ладони свой складной нож.

- Это все, что у тебя есть? - поинтересовался охотник.

- Все, что у меня есть, - весело повторил мальчик и развел руками, словно хотел показать, что у него есть руки, а этого вполне достаточно.

Хэнк Рейни уставился на его ладони.

- Похоже, ты пришел из Нью-Йорка на руках, - заметил он.

Джонни посмотрел ему прямо в глаза и заговорил медленно, словно хотел дать собеседнику возможность прервать его в любую минуту:

- Я забрался в пустой вагон товарняка. Но пока спал, его кто-то запер. Я провел в нем весь путь сюда.

- Без воды и пищи?

Джонни вспыхнул.

- Без, - решительно подтвердил он.

Глаза Рейни сузились, превратившись в полоски синего света. Потом они постепенно расширились, а охотник неожиданно сказал:

- Я верю каждому твоему слову.

- Спасибо, - отозвался Джонни. - Я ужасно рад этому. Большое спасибо. Я знаю, что это звучит не слишком правдоподобно.

Мистер Хэнк Рейни начал хмуро осматривать доски пристани.

- Посмотри-ка сюда! - вдруг предложил он.

– Куда? – не понял мальчик.

– Вон стоит «Сайрус Б. Оливер», который отправляется вниз по реке через пятнадцать минут. Если хочешь, я возьму тебя с собой в Сент-Луис. Я заплачу за твой проезд, не беспокойся.

Джонни отрицательно покачал головой:

– Мне нечем будет отдать вам долг. Я не могу допустить, чтобы вы оплачивали мой проезд. Хотя очень мило с вашей стороны предложить мне это.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Шкафут – узкая часть палубы.

Купить: https://telnovel.com/brend_maks/dorogoy-mesti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)